

РОБЕРТ ЕНГИБАРЯН

МУЖЧИНА
и
ЖЕНЩИНА
ЦЕНА ОДНОЙ ОШИБКИ

Роберт Вачаганович Енгибарян

Мужчина и женщина.

Цена одной ошибки

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21587223
Мужчина и женщина. Цена одной ошибки: Международные отношения; Москва; 2015

Аннотация

Роберт Енгибарян – директор Международного института управления МГИМО (У) МИД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, автор романов «О, Мари!», «Мужчина и женщина: нескончаемый диалог», «Время жить – выбор судьбы» и других.

Отступивший от моральных норм человек теряет на глазах семьи и окружения общественный вес и уважение, прежние социальные связи, становится уязвимым, объектом презрения и отчуждения. Зачастую такое его положение может стать поводом для криминальных нападков с целью вынудить его пойти на материальные жертвы или совершить противоправные действия. Тогда перед человеком встает дилемма: осознать свою ошибку, раскаяться, просить извинения у людей, которым своими действиями он причинил боль и моральные страдания, или вступить в бескомпромиссную схватку с криминалитетом.

Именно по такому сценарию разворачиваются интригующие события в жизни главного героя романа, осознавшего свою ошибку и ищущего выход из создавшейся ситуации.

Для широкого круга читателей.

Содержание

Глава I. Неудовлетворенность и сожаление	6
Глава II. Грубый удар. Беспомощность и унижение	68
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Роберт Енгибарян
Мужчина и женщина.
Цена одной ошибки

© Енгибарян Р. В., 2015

© Издательство «Международные отношения», оформление, 2015

Глава I. Неудовлетворенность и сожаление

– Какой отвратительный год! – обратился Иван Ильич Ильин к супруге Ирине Михайловне. – Чудовищно снежная зима, потом – бесконечно дождливые весна и лето. Все затопило вокруг. Весь наш дачный поселок – да что дачный поселок! – вся Москва в воде. Отпускные деньги почти полностью пришлось потратить на укрепление дренажной системы и ремонт цокольного этажа. Сейчас середина августа, а впечатление такое, что уже глубокая осень.

– Что поделаешь, дорогой, Москва строилась на болоте. Был бы ты успешным – имели бы дачу не в подмосковных Жаворонках, а, как некоторые твои друзья, в Провансе или Тоскане – уже не говорю о Лазурном берегу Франции.

– Ты опять взялась за старую песню. Говорил и говорю – я себя считаю очень даже удачливым человеком. Доктор наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории столичного вуза. Мне 58 – какая-то жизнь еще есть впереди. Живу в центре города, в старинном престижном доме, в трехкомнатной квартире. Что еще? Да, женат на такой прелестной женщине, как ты. Дети не идиоты, более-менее устроены.

– Погоди-погоди. Ты веришь тому, что говоришь? Или

убеждаешь себя, что все именно так? Во-первых, уже который год мы не можем найти денег, чтобы я прошла курс очищения и похудения в Европе, в австрийском Лансерхофе или итальянском Мерино, где третий год лечатся мои подруги Инна и Женя, и поэтому выглядят, как 35-летние. Наш дом, правда, в центре, и квартира просторная; но он престижный по советским меркам. Все обветшало, нет центрального кондиционирования, консьерж-службы, большого холла внизу – уже не говорю о бассейне и сауне. Все наши удачливые соседи – налоговый Баринов, банкир Удальцов, аудитор Счетной палаты Веснин и другие, давно переехали в собственные хоромы на Рублевском направлении или живут в новых прекрасных зданиях. А некоторые вообще уехали из страны. Насчет устроенности детей нечего даже и говорить.

– Ирина, дорогая! Хочешь быть стройной и моложавой – мало ешь, не кури, не пей каждый день по бутылке вина.

– Другие своих жен везут на оперный фестиваль в Зальцбург или Верону, ведут светский образ жизни, у них встречи, ужины с друзьями в ресторанах. А кому нужны мы? Вот сегодня суббота. Был хоть один звонок, не считая звонка дочери? Когда мы в последний раз были в гостях или принимали гостей? Твои аспиранты, члены кафедры и несколько твоих коллег не в счет. Это часть твоей работы. Целый день я дома одна. Хожу только в магазин, иногда иду с тобой к твоей маме. Редкие встречи с какой-нибудь подругой в «Шоколаднице» или общение по телефону с сестрой. Не о такой жизни

я мечтала.

– И виной всему, разумеется, я? Впрочем, Ирочка, ответ мне всегда заранее известен. Еще не поздно. Давай пройдемся к маме и обратно – как раз будет хорошая пешая прогулка. Не зайти к маме я не могу – она тоже дома одна, и каждыйдневный мой приход, тем более с тобой, для нее праздник.

– Все одно и то же, больше так жить не хочется.

– А что, может, тебе хочется большой любви? Как говорит известный киногерой, пойдем тогда на сеновал. И так как у нас его нет, придется придумать что-то экстравагантное. Например, дадим объявление в «Московский комсомолец», что профессорская супружеская пара, еще не совсем старая, предлагает обмен с другой супружеской парой. Что хочешь? Между прочим, довольно распространенная вещь.

– Ваня, ты дурак! Я жила до 56 лет, зная только одного скромного мужика. Сейчас, когда давно уже бабушка, должна пойти по рукам, что ли? Мне противны чужие мужики – пузатые и немые, с дурным запахом изо рта. Или, может, ты забыл, что между нами уже давно нет физической близости? Я такая полная, что сама себе противна. А ты – потухший вулкан.

– Насчет этого ты в глубоком заблуждении. Известно, что многие потухшие вулканы оживают и извергают лаву с еще большей силой!

– Ой, ой, напугал! Возможно, и оживают вулканы, но только не в твоём случае.

– Разумеется, запах табака и алкоголя, идущий от женщины, жирное тело сумоистки вряд ли к этому располагают.

– Хам, грубиян! Вампир! Ищешь причины в свое оправдание?

– Извини, Ирочка, просто хотел пошутить – по-видимому, получилось не совсем смешно. Ну, прости, прости, милая, если обидел. Давай одевайся, как раз по дороге обсудим вопрос твоего прохождения курса похудения.

«Нехорошо я поступил, – подумал Иван Ильич, идя рядом с женой по влажным улицам Москвы. – Мне ее жаль. В последние годы она сильно поправилась. А ведь Ирина женщина еще не старая. Не следит за собой, любит кушать, выпивать. У нее какая-то нездоровая генетика. Не дай Бог, если это передастся детям!»

– Ирина, хочешь – давай заглянем в «Художественный». Может, посмотрим какой-нибудь нормальный зарубежный фильм. Кстати, давно в кино не были.

– Ваня, этого тоже не хочется. Каждый раз, когда бываем в кинотеатре, я с ужасом отмечаю, что в зале самые старые – мы, не считая нескольких одиноких пожилых женских пар. Неужели наше поколение так рано вымерло? Или по вечерам все сидят дома?

– Что поделаешь, средняя продолжительность жизни россиян, особенно мужчин, самая низкая среди «белых» народов. А если кто-то дожил до семидесяти, то, как правило, почти нищий. С такой пенсией даже билеты в кинотеатр не

купишь. С трудом хватает на простую еду. Поэтому мои друзья-преподаватели с ужасом, как приговор к нищете, принимают решение руководства отправить их на пенсию.

– Это все мне знакомо, в институтах Академии еще хуже. Но что делать, если не надеяться на лучшее? К кому мне обратиться, если не к тебе?

– Надо умерить наши потребности, удовлетворяться малым, буддийская мудрость гласит: «Освободись от своих желаний, и придет душевная гармония». Впрочем, увлеклись пустозвоном, ведь мы давно друг друга уже ни в чем не можем убедить.

«А как красиво все начиналось с Ириной! И любовь была, и сильное физическое влечение. Жаль, потом постепенно охладели друг к другу. Не надо винить только ее – может, немаловажную роль сыграло и то, что я увлекся молоденькой лаборанткой моей кафедры, Лаурой. Сначала думал, что меня хватит на обеих, но уже через год с трудом заставлял себя подойти к Ирине. Она смутно начала догадываться, что я трачу силы на другую, внутренне почувствовала мое охлаждение. Что поделать, она меня больше не возбуждает. Да и долгая совместная жизнь, отношение к сексу не как к празднику, а как к части нашего быта, ее вялость, капризы в постели, – все, конечно, сказалось на наших отношениях. А с Лаурой – совсем другое. Всегда чистая, ухоженная, готова с первого же предложения полностью отдаваться, хоть на столе в кабинете, хоть в кресле машины, выполнять любые мои

сексуальные прихоти. Жаль, что она вышла замуж за аспиранта из провинции и скоро родит ребенка. Часто вспоминаю ее тело, запах, напряженное от удовольствия молодое лицо с закрытыми глазами. Се ля ви! Такова жизнь!»

– Что думаешь, Вань? Откуда найдешь деньги на этот чертов курс? Ведь для профессора сентябрь – не самый лучший месяц. Маленький аванс до октябрьской зарплаты.

– Придется у мамы попросить. Потом, что нам этот хренов Лансерхоф? В день на человека, говорят, почти тысяча евро. Альберт Иванович – ты его знаешь – зав. кафедрой социологии, прошел с женой десятидневный курс очищения в Карловых Варах всего за 60 тысяч рублей – и очень даже доволен. Говорят, еще в Карелии очень хорошо, она ничем не уступает зарубежным оздоровительным курортам, в том числе и Карловым Варам.

– Ты сам веришь этим сказкам?

– Почему сказки? Я сам убедился, как отлично выглядит Альберт. А кроме того, вынужден верить, ведь миллионы людей лечатся в более доступных лечебницах. Ирина, давай зайдем в магазин «Армения». Хочу купить лаваш, сыр и мацони. Я знаю, что ты их любишь. Заодно и для мамы возьмем кое-что. Ей особенно нравится армянское варенье из белой черешни с грецким орехом.

Выйдя из магазина с пакетами и отправившись по Тверскому бульвару вниз, они обратили внимание на шикарную пару, покидающую дорогой модный ресторан «Турандот». Высокая белокурая женщина лет 42–45 с длинной толстой косой пышных светлых волос, в меховой накидке из шиншиллы, надетой поверх черного вечернего платья, на шее – сверкающее в ярком свете уличных фонарей ожерелье из крупных жемчужин, улыбаясь, что-то говорила высокому красивому уверенному в себе мужчине в темном костюме и снежно-белой сорочке с высоким воротником и белой бабочке. Видно было, что звездная пара после ужина идет на какую-то вечеринку или концерт. Иван Ильич с присущей русско-советскому человеку классовой неприязнью («классовая ненависть» осталась в советском прошлом) посмотрел на счастливиц и хотел пройти мимо, однако лицо мужчины показалось ему знакомым, и он еще раз взглянул на него. Их взгляды встретились, мужчина неожиданно остановился и, улыбнувшись, обратился к нему:

– Иван Ильич, не помните, что ли, меня? Ксения, – сказал он высокой блондинке, – это Иван Ильич. Много лет назад, когда я поступал в медицинский институт, он, тогда еще совсем молодой преподаватель, почти год был моим репетитором по истории отечества для сдачи выпускных экзаменов в

школе. Представляешь? Я на выпускном экзамене по истории «отлично» получил, чего не было в моей жизни за все школьные годы.

Иван Ильич сразу вспомнил красивого избалованного юношу, сына известного ученого-академика.

– Да-да, я тоже вспомнил вас. Если я не ошибаюсь, вы Алексей Мальков. Давно я потерял вас из виду, Алексей. Помню вашу матушку, Ольгу Викторовну, – высокую, красивую, интеллигентную женщину. Как она усердно заботилась о вашей учебе! Кстати, как ее здоровье?

– К сожалению, три года назад я потерял маму.

– Очень сожалею.

– Рад был встрече, Иван Ильич. Вряд ли могу быть вам полезен – извиняюсь, я практикующий гинеколог – но если вдруг, мало ли что в этой жизни... Василий! – обратился он к высокому спортивному неулыбчивому мужчине, стоявшему чуть в стороне. – Дайте Ивану Ильичу мою визитку.

* * *

Всю дорогу до дома матери Иван Ильич и его супруга шли молча, погруженные в свои мысли.

– Знаешь, Вань, после встречи с этими людьми я кажусь себе еще больше забытой и потерянной.

– Каждому свое. А кому-то другому, возможно, мы кажемся очень успешными и удачливыми. Так устроена жизнь,

и так будет всегда. Люди никогда, ни при каких условиях не могут быть равными во всем. Бог так создал нас.

– Умом понимаю, что это так, но в душе не хочу соглашаться, даже завидую.

– Зависть, дорогая, – тоже нормальное человеческое чувство. Если она тебя подталкивает к совершенству, упорному труду, стремлению к успеху, – это позитивно. А если, как в матушке-России, – к насилию, опущению всех благополучных до нижайшего уровня последнего бедняка, – это трагедия.

Разговаривая, они незаметно дошли до дома матери Ивана Ильича на Малой Бронной. Просторную двухкомнатную квартиру постройки послевоенных лет получил отец Ивана Ильича, начальник отдела Министерства геологии СССР. После его кончины Людмила Васильевна продолжала жить там и отказалась от предложения сына продать квартиру и переселиться к ним. Несмотря на свой преклонный возраст, Людмила Васильевна живо интересовалась происходящим вокруг, следила за новостными программами, читала от корки до корки «Аргументы и факты», «Московский комсомолец» и принимала самое активное участие в деятельности совета подъезда. К тому же она была большой любительницей театра.

– Иван, Ирочка! Почему вы так задержались? Я вас ждала еще днем, а вы пришли только после новостных программ. Давайте вместе посмотрим сериал «Разведчицы». Правда,

там много примитивного и артистки на уровне самодеятельности, но в отдельных местах есть, на что посмотреть. Не голые?

– Нет, мам, чаю попьем. Как раз для тебя принесли армянское варенье из белой черешни с грецким орехом, сыр чанах, лаваш.

– Спасибо, дети. Чайный стол накрыт на кухне. Там посмотрим телевизор.

– Мам, может, выключишь телевизор? У меня к тебе серьезный разговор.

– Если речь опять о продаже квартиры, можешь и не начинать. Сложно, что ли, потерпеть еще несколько лет, пока я уйду в мир иной?

– Нет, мама, речь о другом. Ирине надо лечиться, нужна небольшая сумма – разумеется, в долг.

– А что с тобой случилось, Ирочка?

– Да ничего особенного, это Ваня выдумывает.

– Мам, ей надо пройти курс очищения для похудения.

– Я слышала об этом. Но разве чтобы похудеть, требуется именно лечение? Надо просто рот держать на замке.

– Не надо меня оскорблять, Людмила Васильевна! Вы же знаете, я ем, как ребенок.

– Что-то не замечала. Только, дорогая, не обижайся.

– Мама, в общем, речь идет о сумме где-то в 60 тысяч рублей. У меня тоже есть что-то, но до зарплаты еще две недели.

– Дам, сколько нужно.

Обратную дорогу шли молча, каждый погруженный в свои мысли. И только у дверей квартиры Ирина тихо сказала:

– Ты знаешь, я чувствую себя оскорбленной.

– Глупости. Подожди. Слышишь, не наш ли городской телефон?

Быстро открыв дверь, Иван Ильич успел снять трубку.

– Иван Ильич, это вы? С вами говорит комендант общежития, Петр Васильевич Кокошин.

– Слушаю, Петр Васильевич, в чем дело?

– Хорошо, что я вас застал дома, Иван Ильич. Приехала ваша аспирантка – Ольга Розова из Благовещенска. Ремонт здания еще не закончен, ведь сегодня 18 августа, а мы сдаем только 26-го. Никак девушку пристроить не можем. Может, вы подскажете, как быть?

– Петр Васильевич, что-то такой аспирантки я не припоминаю. Прием в аспирантуру начинается только во второй половине сентября. Дайте, пожалуйста, ей трубку.

– Иван Ильич, здравствуйте, моя фамилия Розова. В июле я была зачислена на целевое место в аспирантуру вашего института по кафедре всеобщей истории. Однако получилось так, что я приехала на две недели раньше – думала познакомиться со столицей.

– Ольга, у вас есть родственники, знакомые в Москве, у

которых вы могли бы остановиться на несколько дней?

– К сожалению, у меня никого в Москве нет.

В голосе девушки слышалось столько волнения и тревоги, что Ивану Ильичу стало жаль ее.

– Мне, наверное, придется лететь домой и там переждать эти дни? Но у меня нет денег на обратный билет...

Иван Ильич стоял с трубкой в руках, не зная, как поступить.

– Что случилось, Ваня?

– Да так, Ирина. Приехала из Благовещенска девушка, аспирантка моей кафедры. Общежитие на ремонте, у нее в Москве никаких знакомых или родственников нет. Осталась на улице.

– А если устроиться в гостинице? Впрочем, откуда у девушки из Благовещенска деньги на гостиницу. Но не оставлять же бедняжку на улице! Пусть на несколько дней остановится у нас, а потом что-нибудь придумаем.

– Как-то неудобно – моя аспирантка будет жить у меня дома. Может, попрошу маму?

– Как знаешь. С твоей мамой сам решай свои проблемы.

– Ольга, вы слушаете? Подождите в холле общежития. Через двадцать минут – максимум полчаса я буду там.

Машин на дороге было много, и ехать пришлось полчаса. Оставив машину у слабо освещенного входа в общежитие, он вошел в холл. Ремонтные работы были в разгаре. Везде валялся строительный мусор. Какие-то порванные меш-

ки из-под цемента, штукатурные материалы, пакеты, пустые бутылки из-под пива. «Как могут люди такой бытовой культуры делать чистую и качественную работу?» – мелькнуло в голове Ивана Ильича. Навстречу вышел комендант – круглый, добродушный мужчина лет 55, бывший военный.

– Иван Ильич! Мне в общем отделе дали ваш номер телефона, так как девушка сообщила, что приехала именно к вам и никого больше в институте не знает. В здании в своей каморке остается только сторож, девушку поселить негде. И потом, мы же не виноваты, что она сама приехала раньше срока.

От него несло резким запахом водки, чеснока и пота.

– А где девушка?

– Вон там.

К ним подошла высокая, худенькая, с прямыми светлыми волосами молоденькая девушка в джинсах и стареньком плаще, надетом на свитер темного цвета. Типичная провинциалка или жительница подмосковного пригорода. Таких много толпится по вечерам на автобусных остановках или станциях пригородных поездов. Вместе с тем лицо и большие, полные тревоги и ожидания голубые глаза выдавали интеллигентную и ранимую натуру.

– Простите меня, Иван Ильич. Я и представить не могла, что окажусь в таком положении и придется потревожить вас в столь позднее время.

«Русский “авось”, вдобавок еще непредусмотритель-

ность», – подумал Иван Ильич, следя за выражением лица молоденькой провинциалки.

– Едем. Как вас, Ольга? Что-нибудь придумаем. Ясно, что здесь оставаться невозможно.

«Может, девушку подвезти в какую-нибудь недорогую гостиницу? На Калужской площади есть гостиница Академии наук. Но там самый дешевый номер стоит около двух тысяч рублей, да еще и кушать надо. Нет, бедняга никак не потянет. Единственный выход – это пристроить ее у мамы. Если позвоню, вдруг она откажет? Лучше поставлю ее перед фактом». Девушка как будто поняла, о чем думает Иван Ильич, и тихим, просящим голосом сказала:

– Иван Ильич, мне бы небольшой угол, я очень непритязательна.

Комендант погрузил два небольших чемодана Ольги в багажник автомашины и с чувством выполненного долга пошел продолжать прерванный ужин с прорабом.

– Садитесь, Ольга, поехали.

– Можно сесть рядом с вами? В Москве я впервые, мне очень интересно. Как много машин и людей! Как светло на улице! А ведь поздно, уже почти десять.

– По пятницам и субботам всегда оживленно, и десять вечера для многих заведений – только начало работы.

– Какие счастливые люди живут в столице!

– Боюсь, что через очень короткое время вы так не будете думать.

– Почему?

– Это долгий разговор, и каждый приходит к определенному выводу самостоятельно.

Оставшуюся недолгую дорогу они проехали молча.

– Здесь живет моя мама. Я попрошу ее на некоторое время принять вас.

– Иван Ильич, может, вы пойдете вперед и как-то подготовите ее?

– Пошли-пошли.

Взяв более объемный старенький чемодан, Иван Ильич шагнул в подъезд. С небольшим рюкзаком и чемоданом поменьше Ольга последовала за ним.

Иван Ильич позвонил в дверь.

– Мам, это я.

– Но у тебя же ключ. Потерял, что ли?

– Прости, мама. Это Ольга, аспирантка моей кафедры.

– Да. И что?

– Она приехала немного раньше времени, а общежитие не готово. Родственников и друзей в Москве у нее нет.

– Ясно. Проходите, девушка.

– Мам, может, Ольга захочет поужинать? Пойду что-нибудь куплю в супермаркете.

– Ты уже принес. Думаю, дома что-то найдется для нее. Ваня, ты иди домой, а с девушкой я сама разберусь.

– Да, забыл сказать, Ольга, вот мой номер телефона. Если что, позвоните. А завтра я загляну.

Иван Ильич сделал вид, что не замечает стеснительно-умоляющего взгляда Ольги и вышел из дома. «Бедная девушка! Как ей неловко. Ничего, мама, опытная учительница, добрейшая душа, быстро найдет подход к ней».

– Так быстро? – спросила Ирина, когда он вернулся домой.

– Да, девушка у мамы. По-видимому, ей придется оставаться там около двух недель.

– Культурный человек не доставит неудобства другим, тем более абсолютно чужим людям. А ты хоть спросил, есть ли у девушки деньги? Вдруг она вообще без гроша?

– Кажется, что-то у нее есть. Завтра спрошу.

Спал Иван Ильич беспокойно, перед глазами все время стояли жалкая улыбка и смущенный взгляд больших голубых глаз молоденькой провинциалки.

* * *

Утром, как обычно в 7.30, Иван Ильич уже был на ногах, сделал небольшую утреннюю физзарядку, принял душ, побрился, легко перекусил и пошел в кабинет поработать. Был тихий воскресный день, ожидалась хорошая погода. В десять он позвонил матери:

– Мама, как спалось? Хочу зайти в супермаркет и купить для вас немного еды? Что бы вы хотели?

– Не беспокойся, Ваня, я сейчас тороплюсь, веду Ольгу в

парикмахерскую, как-никак скоро начало учебного года. А потом мы пройдемся по магазинам. Может, платьице куплю для девушки. У бедняжки нет ничего приличного надеть.

– Мам, а где она? Неудобно как-то при ней говорить об этом.

– Она спустилась за молоком и хлебом, минут через десять уже будет здесь. Днем мы пообедаем в каком-нибудь кафе, а вечером пойдем в кино или в театр. Так что займитесь своими делами. Ты знаешь, Ваня, вчера мы допоздна разговаривали с ней, она очень даже смышленная и добрая девушка. Во всяком случае, она мне понравилась, ведь как-никак я больше сорока лет работала с молодежью и людей могу распознать сразу. В жизни девушке не очень повезло. Отец, капитан рыболовного судна, погиб в молодом возрасте. Она живет с матерью, сводным братом и отчимом, полностью полагается на себя, зато отличница. Школу окончила с золотой медалью, институт с красным дипломом, перворазрядница по художественной гимнастике, увлекается вокалом и окончила еще восьмилетку музыкальной школы. Ну понятно, что провинциальные школы – провинциальное образование, но тем не менее девушка старательная, думает о завтрашнем дне. Так вот, Иван, вашей кафедре повезло с такой аспиранткой.

– Мам, ни к чему лишние траты, она скоро устроится в общежитие, и ей назначат стипендию.

– Сколько?

– Пять тысяч рублей.

– Ваня, как может человек, да еще молодая девушка, жить на такие деньги?

– Мам, это не проблема кафедры, наша родная власть означает такие стипендии, видимо, полагая, что молодым помогут родные.

– Это не тот случай. Ее родные сами с трудом сводят концы с концами. Отчим – демобилизованный подполковник, к тому же он выпивает, мама – воспитательница детского сада. Просто выживают, по-другому не скажешь.

– Сколько проблем принесла эта девушка всего за полсутки.

– Не гневи Бога, Ваня, люди на то и люди, что должны помогать друг другу. Все, Ольга пришла, вечером позвоню или ты сам набери.

Иван Ильич повесил трубку и начал расхаживать по комнате. Вот сюрприз! А впрочем, чему удивляться? В маме столько нерастроченной доброты, жажды быть полезной кому-нибудь, заботиться о ком-то, вечная тоска от одиночества. И тут появился человек, которому она может помочь, который оживит ее одинокую жизнь.

– Ирина, вставай, уже одиннадцатый час. Почему закрылась в своей спальне? Давай детей пригласим на поздний завтрак. Я сам приготовлю омлет с овощами наподобие «Бенедикта», что дают в итальянских ресторанах. Ирина, почему молчишь? Что-нибудь случилось? Открой дверь.

– Я хочу спать.

– Голос у тебя какой-то странный. Открой дверь. Может, нужна помощь?

– Дай спать, не открою.

Удивленный Иван Ильич отошел от двери спальни жены и начал строить догадки, что с ней может быть. Такого еще не бывало. Много раз после бурных объяснений, ссор, которые обычно на ровном месте сама Ирина и устраивала, она закрывалась в спальне и выходила только к полудню и то, чтобы пойти в туалет или в душ. Иван Ильич понимал, что она недовольна своей жизнью. Она недавно вышла на пенсию после долгих лет скучной и малооплачиваемой работы в одном из НИИ Академии наук и думала, что теперь найдет время заниматься хозяйством, семьей, будет посещать музеи, выставки, читать интересную литературу, общаться с родными. Однако вышло иначе. Она перестала следить за собой, вставала поздно, не успевала ничего делать, иногда даже какой-то простенький обед приготовить. В таких случаях она звонила Ивану Ильичу и просила его пообедать в столовой института и по дороге захватить из супермаркета пиццу или другую готовую еду. Возвращаясь домой, Иван Ильич обнаруживал, что от нее пахнет вином и табаком.

Бывали и более светлые дни, когда как будто все налаживалось, приходили сын и дочь с внучками. Дом оживал, наполнялся шумом и детскими звонкими голосами. Ирина играла на пианино их любимые романсы, дочь и Иван Ильич

подпевали. Когда Ирина пела, она полностью преображалась: появлялась женственность, изменялись черты лица, даже выражение и цвет глаз. В эти минуты он вспоминал свою юную Ирочку, тонкую хохотушку, нежную и ранимую.

Что сломалось в их жизни? И когда это случилось? Может, причиной всему был роман с Лаурой? Даже трудно назвать это романом, просто захватывающая эротика, вседозволенность, поиск новых, не известных ранее сексуальных удовольствий. С этой молоденькой 22-летней девушкой Иван Ильич чувствовал себя сексуальным монстром, неумным любовником. Они почти не говорили, быстро раздевались и предавались неудержимому сексу. Иван Ильич всячески себя контролировал, чтобы девушка случайно не забеременела. Ему было ясно, что она под угрозой скандала потребует серьезную материальную компенсацию. Лаура намекала, что в таком случае она хотела бы или одно-двухкомнатную квартиру в новостройке, или квартиру его матери, куда несколько раз по поручению Ивана Ильича доставляла лекарства или продукты.

Квартирный вопрос для Лауры особенно обострился, когда ее родители развелись. Матери Лауры, исключительно неприятной женщине, без особого образования и профессии, занятой мелкоаферными схемами зарабатывания денег, не исключая и интимные услуги, досталась ветхая деревянная дача в районе труднодоступного поселка фабричного города Фрязино. Проблема, где жить и как добираться до ра-

боты, особо остро встала перед Лаурой после окончания вуза. За полгода до выпускных экзаменов Иван Ильич устроил ее в общежитие, но после – оставлять ее там уже стало невозможно.

Разумеется, Иван Ильич не мог устраниться от решения этой проблемы и по настойчивой просьбе Лауры, после долгих колебаний, решился встретиться с ее матерью. Мама Лауры, женщина около сорока, невысокого роста, крепко сбитая, с блуждающим маловыразительным взглядом, не обремененная постоянной работой, жила на даче вместе со своей матерью. Встреча состоялась в одном из скромных кафе в другом конце города, подальше от знакомых глаз. Ему было крайне неловко, что он, тогда 56-летний профессор, отец взрослых детей и уже дедушка, откровенно выставляет не совсем приглядную сторону своей жизни перед чужим человеком – хоть и матерью своей молодой любовницы. Они пришли к согласию, что Иван Ильич снимает для Лауры квартиру, по возможности недалеко от института, решает все вопросы, связанные с ее содержанием, а ее мама остается на даче во Фрязино. Во время встречи Иван Ильич попытался взглянуть на себя со стороны. Как мог уже пожилой солидный мужчина, никогда не изменявший жене, вдруг польститься на хрупкое стройное тело легкомысленной молоденькой девушки, своей бывшей студентки, а ныне лаборантки? Как трудно понимать психологию людей другой сословной и ментальной группы с довольно гибкими моральными

принципами, когда дело касается материальной выгоды и вопроса их выживания. Как эта неприятная, пахнущая дешевой косметикой и табаком женщина, мать Лауры, старается выжать из факта его порочной связи со своей дочерью по возможности бóльшую материальную выгоду. Притом у Ивана Ильича складывалось впечатление, что Стелла, так звали мать Лауры, как будто ведет речь не о дочери, а сдает в аренду квартиру, машину или другую вещь. Поразила его и Лаура, старательная, неглупая студентка, окончившая институт с красным дипломом во многом благодаря его благосклонному отношению. Она равнодушно следила за активным торгом своей матери, старающейся «околпачить» Ивана Ильича. А может, эта крепко сбитая женщина сдает дочь не впервые? Трудно поверить. Лаура производила впечатление тонкой, ранимой девушки, и хотя не участвовала в их постыдном торге, чувствовалось, что в материальном вопросе она мыслит почти как мать и вместе с ней старается получить от Ивана Ильича возможно высокую цену за свою с ним сексуальную близость.

Это крайне смущало его, и он отрешенно согласился со многими требованиями Стеллы. Решили, что Иван Ильич каждый месяц, кроме платы за квартиру, еще оплачивает содержание Лауры в размере ее двукратной месячной зарплаты. В общей сложности складывалась довольно ощутимая сумма, которую Иван Ильич надеялся покрыть за счет своих дополнительных занятий, гонораров или частных занятий

с абитуриентами, что он давно не практиковал. Хочешь наслаждаться молодым телом, умей и отвечать за свою похоть, ведь за наслаждение надо платить – непререкаемая аксиома, напоминал сам себе Иван Ильич.

Скоро нашлась маленькая двухкомнатная квартирка совсем рядом с институтом. Час-два после работы, включая и субботные дни, он проводил там. Часто привозил готовую еду, потому что девушка абсолютно не умела готовить, и они обедали вместе. Осторожно, чтобы кто-нибудь из живущих по соседству преподавателей или студентов не заметил его, он парковал машину неподалеку и, нагруженный пакетами, быстро заходил в плохо убранный и плохо освещенный подъезд. В несколько прыжков он добирался до дверей квартиры Лауры на втором этаже. Девушка, в застегнутом на одну пуговицу халате, надетом на худенькое голое тело, открывала дверь, продолжая сушить волосы. Иван Ильич за несколько секунд сбрасывал с себя одежду, заходил под душ и, едва промокнувшись полотенцем, бросался на старый широкий диван к Лауре. Тонкое стройное тело трепетно ждало его ласк, и он любил ее неистово, забывая обо всем на свете. Боже, откуда у него столько сил? Как бы хотелось часть их посвятить Ирине, но она все равно отложит интим на завтра, на послезавтра, а вместо этого будет часами говорить по телефону о всяких пустяках. Нет, эта часть жизни у них с Ириной закончилась, но он продолжает любить ее как родное существо, заботиться о ней. Сколько лжи, неправды в человеке,

сколько тайных увлечений и стремлений! Сколько энергии и усилий он тратит, чтобы не раскрыться перед окружающими, чтобы спрятать свое истинное лицо и порочные желания. А может, он просто я отдаю свою нерастраченную природную энергию? Чувствует ли жена, что у мужа существует другая жизнь? Безусловно, да. Включается интуиция, инстинктивные ощущения, почти всегда близкие люди, да и не только близкие, чувствуют неестественность, фальшь в отношениях.

Два года Иван Ильич наслаждался и обманывал, убеждал себя, что Ирина, мать, дети и, в конце концов, коллеги не замечают изменений в его поведении. Изменилась его внешность, он заметно похудел, подтянулся, помолодел, движения стали порывистыми, взгляд блуждающим, беспокойным. В душе Иван Ильич был доволен, его самооценка как мужчины, как удачливого самца повысилась. Однако у него не оставалось ни времени, ни желания серьезно заниматься наукой. Аппетиты Лауры, подогреваемые ее матерью, постепенно росли. Она потребовала сперва машину, чтобы по воскресным дням ездить на дачу. Ивану Ильичу с трудом удалось оформить на Лауру кредит для покупки автомобиля, так как зарплата у нее была маленькая и кредит ей не полагался. Пришлось уговорить главбуха, обещать помощь в защите диссертации ее мужа, чтобы получить справку с отметкой о завышенной зарплате. Добавились и другие расходы. Девушка и ее мать требовали деньги для поездки летом в

Турцию, Египет или Болгарию.

Иван Ильич обнаружил, что Стелла, вопреки обещаниям жить у матери во Фрязино, ночевала у дочери и постепенно переносила туда свои вещи. Девушка объясняла, что вещи и одежда матери находятся здесь, потому что, приезжая в Москву, она должна переодеваться. Лаура понимала, что он догадывается – ее мать появляется сразу после его ухода. В квартире постоянно ощущался тяжелый, неприятный запах этой женщины. Купленные в супермаркете продукты на неделю заканчивались через день-два, так как Стелла обладала исключительным аппетитом. Иван Ильич критиковал Лауру, она плакала, начинала оправдываться, но все повторялось снова и снова. Потом ему стало известно, что Стелла забирает у дочери почти все полученные от Ивана Ильича деньги под предлогом, что это оплата за ее согласие на сожительство с Лаурой. Несколько раз на теле Лауры он обнаруживал следы побоев, и после долгих уговоров она призналась, что мать избивает ее, если она ей перечит, и угрожает, что опозорит ее и Ивана Ильича, напишет о его моральном облике в ректорат, Министерство образования и газеты.

Стелла требовала все больше и больше денег, сперва на дорогостоящие фарфоровые зубы у известного московского дантиста, на одежду, косметику, потом завела нового любовника, бывшего милиционера, и угрожала, что если Иван Ильич не выплатит всех требуемых ею денег, то будет иметь дело с бравым полицейским. Сначала он все это восприни-

мал со снисходительной иронией, подозревая, что Лаура хочет показать себя жертвой, мученицей, но потом убедился, что наоборот, девушка все передает в более мягком виде, чем есть на самом деле. Однажды, когда Иван Ильич умиротворенный, в хорошем настроении вышел от Лауры, он нашел свою машину с разбитым передним стеклом и проколотыми шинами. Проклиная все на свете, он вызвал из техцентра помощь, и машину увезли в ремонт. Он понял, что Стелла задействовала своего бравого полицейского, поскольку Иван Ильич в последнее время уменьшил непредусмотренную их первоначальным устным договором сумму. Поздно вечером, раздраженный и простуженный после долгого стояния под морозящим дождем, он добрался домой. Рассказал Ирине небылицу, что попал в ДТП. Иван Ильич понимал, что так приятно начатый секс-роман подходит к завершению.

Обстановка разрядилась неожиданно. Летом он отправил Лауру с ее мерзкой мамашей на отдых в Болгарию, откуда она вернулась с другом, аспирантом, и сообщила, что парень сразу же после возвращения с отдыха сделал ей предложение и даже представил своим родителям, приезжим из Армении, занимающимся бизнесом в Самаре. Однако если Иван Ильич согласен оставить жену и жениться на ней, то Норайру – так звали аспиранта, – несмотря на то, что парень он скромный и перспективный, она откажет. Взволнованный Иван Ильич согласился дать ей пять тысяч долларов на подготовку к сва-

дье. Разумеется, идея развестись с Ириной и жениться на Лауре отметалась им сразу из-за полной несерьезности, но помочь девушке он считал своим долгом. В конце концов, она хоть и не образец целомудрия и порядочности, но сколько приятных часов подарила ему и какое-то время даже по-настоящему любила его. «Что ни говори, – размышлял Иван Ильич, – главное в человеческих отношениях – культурное соответствие, культурный код, даже если люди – представители разных национальностей. Стелла и ее полицейский – представители моей нации, религии, и более того, рожденные и выросшие в моем городе, но для меня они чужды и враждебны, как варвары со своей психологией хищника.

Иван Ильич в душе переживал расставание с Лаурой, которую любил своеобразной любовью отца-покровителя, брата и любовника в одном лице, прощал ее глупости и недостатки. Любил ее тонкое, гибкое тело, девичью непосредственность. С ее уходом он лишился того огромного удовольствия, какое может дать только любимое женское тело. «Жить без женской ласки означает постепенно гаснуть, преждевременно стареть. Печальная перспектива», – думал Иван Ильич. Какой интерес еще в этой тоскливой однообразной жизни? Выпивать вместе с Ириной? По вечерам играть с матерью в карты, по воскресеньям общаться с детьми и внуками? Лекции? Заседания кафедры, ученого совета, диссертационных советов, скрытая неприязнь коллег? Ничего искреннего, душевного между ними, просто вынужденная сов-

местная работа абсолютно чужих людей. Российская скудная общественная жизнь, холод, напряженное транспортное движение, безумно дорогие рестораны, небезопасные улицы, вечно плохая погода, кроме двух-трех месяцев в году. Куда себя деть? Был какой-то светлый луч, озаряющий его безрадостное существование, и этому пришел конец. Ну не могла же его связь с Лаурой продолжаться вечно? Она – лукавая девушка, использовала его по полной программе: поступила в аспирантуру, приобрела машину, худо-бедно одевалась, отдыхала и ухитрилась устроить за его деньги жизнь своей мерзопакостной обжоры-матери. Он вспомнил, как взволнованная Лаура с тревогой сообщила, что ее жених Норайр как-то вскользь, но с явным намеком предупредил, что женится только на девственнице. Иван Ильич быстро нашел клинику, где проводили экспресс-гименопластику – операцию по восстановлению девственности, и за двойную цену Лаура вне очереди прошла эту процедуру.

По отношению к Ирине Иван Ильич чувствовал себя бесконечно виноватым. Как человек, как личность она несравнимо превосходила легкомысленную, порой лживую Лауру, но они люди разных поколений и, что особенно важно, представляют различные социальные группы. Ирина начитанна, воспитана в интеллигентной среде, играет на пианино, неплохо разбирается в музыке, литературе, живописи. Может, из-за своей женской ненужности и опустошенности она старалась забыться с помощью алкоголя? Может, в ней

проявилась так часто встречающаяся в русских людях склонность утопить свое горе в вине? Возможно, и так, но он, Иван Ильич, профессор, интеллигент, своей похотью, своим эгоизмом, даже животнo-телесным эгоизмом, толкнул жену на одиночество и душевные страдания. А может, сейчас за закрытыми дверьми Ирина лежит мертвой? «О Боже, не накажи меня так строго, я слаб, я совершил грех, думал только о себе и забыл о ближнем! Ирина, моя Ирина ни в чем не виновата, только слабая и безвольная, но честная и порядочная».

– Ирина, дорогая, – закричал он вдруг, – открой дверь, прошу, умоляю!

– Успокойся, – послышались легкие шаги Ирины. Хриплым сонным голосом она спросила:

– Ты что, Вань, истерику устраиваешь? Сейчас помоюсь и выйду.

Иван Ильич бурно обнял ее, не обращая внимание на сильный запах идущего от нее винного перегара, осыпал поцелуями ее опухшее лицо:

– Милая, любимая, у нас будет новая светлая жизнь, вот увидишь, я обещаю.

– Что с тобой, Ваня? Ты что, выпил? Не похоже на тебя.

* * *

Последний воскресный день уходящего лета. Завтра нач-

нутся занятия в институте. Первым делом надо принять на работу новую лаборантку вместо ушедшей в декретный отпуск Лауры. Она пока оформилась на год, но объявила, что через год, а может и два, выйдет на работу. Лаборантский труд довольно заметный в деятельности кафедры, особенно в процессе организации и оформления расписаний, составления исходящих документов. Поэтому эта должность долго оставаться свободной не может. Сейчас на это место срочно надо подыскать подходящую кандидатуру. «Последние деньги, что потратил на даче и передал Лауре для подготовки свадьбы, меня совсем посадили на мель, – с горечью констатировал Иван Ильич. – Надо опять работать сверх нагрузки или увеличить число абитуриентов, ведь других источников зарабатывания денег у меня нет. К сожалению, к приемным экзаменам я доступ не имею, там можно было бы что-то заработать. Но с внедрением этого дурацкого ЕГЭ денежные потоки от высшей школы перешли в руки сотрудников Министерства образования федерального и регионального уровня, школьных учителей, других технических работников, имеющих отношение к организации ЕГЭ. Идиоты, забили последний гвоздь в гроб образовательной системы России. Выпускники школ не знают, кто такие Петр I, Ленин, Наполеон и на каком континенте находятся Франция или Америка. Художественные произведения студенты, да и преподаватели почти не читают. Растет поколение плохо информированных и духовно бедных людей».

Звонок в дверь прервал нерадостные мысли Ивана Ильича. Пришла дочь Эмилия с внучками, десяти и восьми лет.

– Пап, – быстро начала она, – а где мама? Еще у себя? Хорошо, ладно. Возьмите детей к себе, я очень тороплюсь. Если смогу, заберу их сегодня. Если нет, они останутся у вас, тогда я утром сразу от вас отведу их в школу. Накормите их, они голодные. Если что, позвоните на сотовый, – и исчезла.

Дети, привыкшие к такому распорядку воскресного дня, быстро скинули с себя школьные ранцы и переоделись в домашнюю одежду. Через пять минут старшая внучка смотрела свою любимую программу по телевизору, а младшая в кабинете Ивана Ильича, сидя в его кресле, рисовала. С опухшим, угрюмым лицом из своей комнаты вышла Ирина.

– Вань, – не смотря в его сторону, виноватым голосом обратилась она к нему, – сходи в супермаркет, купи два цыпленка и рис, хочу сварить для детей бульон с рисом и поджарить цыпленка с картошкой, еще, пожалуйста, купи фруктов и сыр разных сортов. Возьми еще две бутылки белого вина, лучше «Шардоне», как-никак сегодня воскресный день.

Иван Ильич надел джинсы, куртку и вышел на улицу. Погода была не солнечная, но теплая. Людей и машин было меньше обычного, что напомнило ему о Москве советских времен, тихой и удобной для прогулок, посещения музеев и кино. Жаль, азиатизация мира заметно коснулась и Москвы. Из страны уехали российские немцы и евреи, успешные русские и средняя техническая интеллигенция, ставшие лишни-

ми на своей родине. Вместо них столицу осваивают огромные потоки людей чужой культуры и внешности, очень удобных на первых порах для низкооплачиваемой работы. Скоро в стране останутся только чиновники и силовики, нефтяники и газовики, и еще обслуживающий их среднего уровня медперсонал и учителя. Печально. «Входные и праздничные дни, – размышлял Иван Ильич, шагая в сторону супермаркета, – самые тяжелые для меня, не знаю, чем себя занять. В остальные дни работа поглощает все мое время. Ведь другие живут так же, и как будто ничего, на жизнь не жалуются, как я. Получается, что с уходом лукавой Лауры у меня ничего личного не осталось. Понимаю, что нарушаю привычные представления морали, но мне тоскливо, даже очень тоскливо. Неужели я как мужчина никому уже не нужен? Впереди старость, одиночество и скука. Всю жизнь я был примером для своего окружения. В школе был первым отличником, окончил ее с золотой медалью, в институте отличником и именованным стипендиатом. Мои товарищи гуляли, веселились, встречались с девушками, расходились, находили других. Я трудился, писал отличные курсовые и рефераты, ждал и верил, что найду единственную любовь. На старших курсах мне было стыдно признаваться друзьям, что я еще девственник, обманывал их небылицами. Поступил в аспирантуру и через два года защитил кандидатскую диссертацию. Но не имел ни близких друзей, ни подруг. Заведующий кафедрой, добрый интеллигентный профессор пригла-

сил меня к себе домой, потом на дачу и фактически инициировал мою женитьбу на своей дочери Ирине. Она была хоть и не первой красавицей, но очень обаятельной. Высокая, стройная, с открытым интеллигентным лицом, веселым и легким нравом. Ирина понравилась мне сразу, и через несколько недель я уже не мог представить мою жизнь без нее. Я думал, что не смогу влюбиться, но Ирину полюбил искренне и самозабвенно. Впервые я узнал женщину и был счастлив. Родились дети, но лет через 15–20 я понял: чего-то мне не хватает. По-видимому, в первую очередь огорчало однообразие московской жизни. Когда дети были еще маленькие, я организовывал рыбалку или лыжные походы, а потом перестал – слишком много хлопот. Гостей на дачу мы раньше часто приглашали, но это отнимало много времени и энергии, да было и не особенно интересно. Одни и те же люди, одни и те же разговоры, иногда кто-то из моих друзей еще и напивался. Приходилось его оставлять на ночлег, беспокоиться, как он утром доберется на работу. Великая радость – оставаться наедине со своими книгами. Это пришло ко мне после 45 лет. Но когда я уединялся в своем кабинете, Ирина безумно тосковала. Я понимал, что каждый этап жизни ставит перед человеком новые задачи, новое восприятие мира и человеческих отношений. Самое главное, когда человек и его окружение меняются гармонично, их мироощущение продолжает, хотя бы в главном, совпадать. Но к великому сожалению, люди развиваются и меняются по-разному, да-

же родные и самые близкие. Много хороших друзей молодости я потерял именно потому, что наше развитие и жизненные интересы пошли разными путями. Встречаешься со старым другом, и оказывается, что, кроме воспоминаний, между вами ничего общего. Жаль, что так случилось и в нашем с Ириной случае. Я усердно работал, писал книги. У меня были международные конференции, командировки, симпозиумы, встречи. А она ограничилась только домом и детьми, при этом все время требовала от меня каким-то образом поменять ее жизнь. Может, я просто из той категории людей, которые не могут быть счастливыми и дать счастье другим. На моих глазах Ирина постепенно стала другим человеком – невеселым, раздражительным, замкнутым. Если о чем-то и разговаривали, то только о детях. Что сломалось в нас, чего не хватало для счастья – я трудно представляю и сейчас, хотя в общих чертах ответ у меня есть. А может, я просто не понимаю, что я счастлив. А может, это и есть счастье. И как могла ничем не выдающаяся, худенькая Лаура так возбудить во мне страстного ненасытного самца? Может, сознание, что я сожительствую с девушкой на тридцать с лишним лет моложе меня, моложе моей дочери, что я нарушаю общепринятую мораль, придало мне новые импульсы для удовольствия и наслаждения. Не двигало ли меня тайное влечение первородного греха, наподобие вкушающей запретный плод Евы, изгнанной из рая. Ведь если вдруг обнаружится тайная сторона моей жизни, общество может меня изгнать из

условного моего рая, я потеряю уважение своего окружения, буду вынужден уйти с работы, разрушится семья. Преувеличиваю. Возможно, с молоденькими девушками вступают в интимные отношения тысячи, миллионы взрослых успешных мужчин, и ничего, им это сходит с рук. Однако есть одно правило, и его надо блюсти. Исключить скандалы, шум, недовольство другой стороны, не допустить возникновения таких причин».

– Иван, как быстро ты вернулся домой. А где вино и фрукты?

– Прости, Ирина, забыл в машине, сейчас принесу.

Иван Ильич вернулся в супермаркет, докупил недостающее и поспешил обратно домой.

* * *

Дверь открыла Эмилия, высокая, начавшая слегка полнеть миловидная брюнетка, напоминающая мать в молодости.

– Не надеялся увидеть тебя дома. Ты же обещала, что вернешься или вечером, или завтра утром.

– Встреча была недолгой.

– Мне проявить любопытство или ограничиться констатацией факта, что ты дома?

– Если интересно, могу рассказать. Недавно случайно на одной встрече познакомилась с отставным моряком-подпол-

ковником чуть старше сорока. Не то из Херсона, не то из Севастополя. В военной форме он смотрелся очень даже импозантно. Мы снова по его просьбе встретились в кафе. Как раз сегодня. В гражданской одежде он мне показался таким жалким и провинциальным! И тут же выложил свои нехитрые планы: обосноваться в столице, найти работу и квартиру.

– Может, человек стоящий, чего сразу его браковать, Эмилия?

– Мне показалось, что извилин в его голове мало. И к тому же за ним приданое – оставленная семья: жена-алкоголичка и два сына-беспризорника.

– Не хочешь проявить милосердие и гуманизм?

– Не смешите, уважаемый профессор, мне нужны не плачущие мужчины, а успешные, у которых проблемы другого плана: купить дом на Лазурном берегу Франции или в Майами, «Мерседес» или «Бентли», двухкаратный бриллиант или трехкаратный.

– Продолжай поиски. Может, вместе с «Бентли» и домом в Майами найдется человек с сердцем и головой. Впрочем, это будет такой редкий случай. Не забудь, что у тебя еще двое детей, а с мужем вы официально пока не разведены. Парень он хороший, ну, музыкант, любит веселиться, погулять на стороне. В конце концов, насытится и вернется. Так что не торопись.

– Это не помеха. Вы с мамой еще так молоды и полны энергии, что я с радостью оставляю моих детей на ваше попе-

чение. Получите огромное удовольствие от общения с ними. Если, конечно, найдется рыцарь на «Бентли» и с доброй душой, как ты говоришь.

– Радужная перспектива. Действуй, Эмилия, может, и получится.

– А почему бы и нет? Дочь столичного профессора, с прекрасным образованием, с двумя иностранными языками. Имею еще и музыкальное образование, пою, прекрасно танцую. Многие говорят, что я еще и чертовски обаятельна. Ты не представляешь, папа, какие голодные, готовые на все девушки приезжают в Москву из провинции. Работают официантками, стриптизершами и вдруг в столице подстреливают такую дичь, что хватит на весь сиротский дом лет на сто вперед.

– Это что у тебя, Эмилия, новый светский жаргон?

– Иван, Эмилия, что вы так весело обсуждаете в дверях, заходите на кухню, я тоже хочу узнать, о чем речь, – вышла в прихожую Ирина.

– Мама, ты слишком впечатлительна для таких разговоров.

– Ты лучше помогла бы мне обед приготовить и стол накрыть, ведь детей надо скоро кормить. Открой еще одну бутылку вина, работа пойдет живее.

Иван Ильич ушел в свой кабинет и начал листать представленные преподавателями кафедры программы на новый учебный год. Работа привычная, повторяется из года год. Со-

ставляются учебные программы, иногда с новой трактовкой известных политико-исторических событий, пишутся новые монографии и учебники, но их уже мало кто читает. Студенты, читающие учебники, – редкость. Необходимую скудную поверхностную информацию для сдачи экзаменов и зачетов они скачивают из Интернета. Во время экзаменов пользуются наушниками, мобильными телефонами, с грехом пополам сдают сессию и тут же забывают, о чем шла речь. Их мир другой, намного более прикладной, более динамичный и разнообразный, чем было в недавнем прошлом. Главный девиз их жизни: удовольствия, удовольствия и еще раз удовольствия. По возможности меньше работать, больше получать. Профессорско-преподавательский состав кафедры стареет, пенсии мизерные, трудно и больно кого-то заставить выйти на пенсию. Но молодежь уже не идет ни в науку, ни на преподавательскую работу, как раньше, это на сегодня мало оплачиваемые, не особо престижные занятия.

– Папа, бабушка зовет к телефону.

– Да, мама, где ты? Может, зайдешь к нам, пообедаем вместе. Как раз и Эмилия с детьми здесь.

– Иван, ты не забыл, что со мной Ольга, твоя аспирантка? Вечером мы с ней собираемся в театр. Ну что ж, тогда повидаюсь с вами, заодно перекусим перед театром.

– Ирина, Эмилия, у вас все готово? Сейчас мама зайдет вместе с моей аспиранткой.

– Папа, какая еще аспирантка, я ее знаю?

– Это девушка из провинции. Она около двух недель назад прилетела в Москву, общежитие не было готово, поэтому я ее на несколько дней поселил у мамы.

Через час вся семья и смущенная Ольга в купленном Людмилой Васильевной недорогом платье, с новой модной прической (они уже успели побывать в парикмахерской) сидели за столом. Эмилия дружелюбно беседовала с Ольгой и давала советы о московской жизни. Ирина слушала Людмилу Васильевну и сама себе наливала вино, стараясь не встретиться взглядом с Иваном Ильичом.

– Так-так, все семейство обедает, а единственный сын, гордость архитектурного сообщества столицы, даже не приглашен на обед.

В дверях стоял Константин, двадцатисемилетний сын Ивана Ильича, по профессии архитектор, веселый, симпатичный, очень похожий на отца, живущий в съемной квартире отдельно от родителей.

– Можно узнать, по какому поводу торжественный обед? На столе цветы, бутылки вина, правда, уже почти пустые. Угадал: вы хотите эту прелестную девушку познакомить со мной и завести беседу о преимуществах семейной жизни.

– Костя, – обратился к нему Иван Ильич, – девушка за столом – моя аспирантка. Она впервые у нас дома, и недавно прибыла в Москву из Благовещенска. Пожалуйста, не смущай ее своим развязным поведением и разговорами.

– Простите, девушка, из какого Парижа вы прилетели в

нашу солнечную великую столицу? Ах, вы из Благовещенска, это, насколько я помню, между Парижем и Лондоном. И как мне известно, там бананы и манго растут, люди ходят в шортах, играют на гитаре, вечно поют и танцуют.

– У вас вышла небольшая ошибка. Это вы говорите о Бразилии. Поэтому, если у вас есть географическая карта, я вам покажу, где Благовещенск, где Париж и где Бразилия.

– Молодец, Ольга, так и надо обнаглевшему профессорскому сынку, – вступила в разговор Эмилия. – Садись, а уроки географии Ольга тебе даст после обеда.

– Дорогая сестренка, уступи-ка мне свое место рядом с этой прелестной географичкой из... забыл название этого нового мирового центра. А ты пересядь к своим детям и займись лучше ими.

– Ладно. Ольга, он дурачится, значит, вы ему понравились, – успокоила гостью Людмила Васильевна.

– Я рад, что вся наша семья сегодня оказалась за столом, что происходит не часто. Особенность этого дня в том, что с нами почти случайно оказалась Ольга, новая аспирантка моей кафедры. Пожелаем ей удачи в учебе и в новой столичной жизни.

– Если она удачно выскочит замуж, то какая-то жизнь, может, у нее и получится. Если нет, то, папа, никаких перспектив у этой прелестной девушки не будет. С зарплатой научного сотрудника на однокомнатную квартиру в Москве ей придется копить в течение 50–60 лет. Как вам, девушка, та-

кая перспектива?

– Константин, у вас есть конкретное предложение?

– Молодец, Ольга, – улыбнулась Людмила Васильевна.

– Ольга, – вмешался Иван Ильич, – мой сын в сходном с вами положении. Но только не знаю, собирает ли он деньги на покупку квартиры или ждет, что мы с мамой его приютим. А мы возьмем да проживем еще лет 50–60.

– Не дай Бог, Вань, не пугай мальчика, а то вообще не женится, – вступила в разговор Ирина.

– Вы знаете, Ирина Михайловна, в Благовещенске, возможно, у Константина будет неплохая перспектива. Молодой архитектор из столицы – очень нужный специалист. Думаю, ему тут же предоставят однокомнатную квартиру. Правда, не в кирпичном, а в блочном доме, и не в центре.

– Вот это да! – обрадовался Иван Ильич, – Ай да Ольга! Никак не ожидал я такого выступления от нее. Ну, что скажешь, Константин?

– По правде, граждане сотрапезники, от молодой парижанки я такого агрессивного отпора не ожидал. Если честно, а моя честность – достояние нашей прекрасной родины, она меня переиграла. Один-ноль в вашу пользу, Ольга из Благо-Парижа.

Обед прошел славно. После Эмилия играла на пианино, пела отрывки из популярных песен и романсов под аккомпанемент Людмилы Васильевны и Ирины. Константин сел рядом с Ольгой, все время шутил и пытался рассмешить де-

вушку. Покрасневшая от немалой дозы вина Ирина, сославшись на головную боль, вскоре неуверенными шагами пошла в свою спальню. Дети сидели перед телевизором и смотрели какую-то свою программу. Поймав несколько раз смущенный взгляд Ольги, Иван Ильич встал и ушел в свой кабинет, в привычный большой мир книг и мыслей. Через час дом опустел. Эмилия забрала детей в свою двухкомнатную квартиру, доставшуюся ей после расставания с мужем, успешным музыкантом. Людмила Васильевна с Ольгой пошли в театр. Константин отправился их провожать.

«Воскресный августовский вечер, уставшая, слегка пьяная жена спит в соседней комнате. Я один. Один в окружении людей, в центре огромного города. Не молодой, но далеко и не старый. Не хочу себя заживо хоронить в мелочах повседневности. Не хочу. Боже упаси меня от одиночества. Худшего наказания для человека, чем одиночество, сложно даже и придумать. **А МОЖЕТ, ЧЕЛОВЕК ПРИДУМАЛ БОГА, ЧТОБЫ ОСВОБОДИТЬ СЕБЯ ОТ ОДИНОЧЕСТВА, БЫТЬ УБЕЖДЕННЫМ, ЧТО РЯДОМ ВСЕГДА ЕСТЬ КТО-ТО.** А что я хочу? Общения с людьми в чистом, просторном помещении, где много света, тепла, интересное общество, беседы, легкий ужин, красивые женщины. Нет, это еще не все. Не хочу самому себе признаваться, неужели моя жизнь как мужчины уже закончилась? Я больше не встречусь с женщиной светлой и обаятельной, всегда веселой и опрятной, готовой любить и радоваться жизни. Как у

меня было раньше с Ириной. Но она так рано ушла из нашей прежней жизни, в итоге я остался один со своими скрытыми желаниями, неутоленной жадой страсти. Но не могу же я поставить крест на Ирине, она мать моих детей, бесконечно родная, добрая и беззащитная. Значит, она, безусловно, остается в моем бытии. Вместе с тем я не могу заставить свою природу отказаться от полнокровной мужской жизни. Ведь это так естественно, но противоречит принятым представлениям о морали и порядочности. Значит, придется иметь тайную сторону жизни, скрывать ее от всех, обманывать жену, близких и окружение. По-видимому, такая дилемма стоит перед многими мужчинами и женщинами: быть недовольными своей семейной жизнью и, не нарушая семейные узы, искать физическое, зачастую и морально-духовное удовольствие на стороне. Выше моих сил постоянно находиться в полутемной квартире в одиночестве среди своих книг, со спящей или угрюмо смотрящей в потолок или телевизор, вечно недовольной жизнью или мною женой. Да, любили друг друга, люблю ее и сегодня, родили детей, прожили 35 лет вместе, но потом жизнь нас развела. Она – часть моей жизни, но не вся моя жизнь. Я не в состоянии заживо похоронить себя, я хочу и должен жить в общении с другими людьми, получать от этого тепло и открывать для себя новые миры, в свою очередь, давать им свое тепло, раскрывать свою душу, впечатлять и быть впечатленным.

Я, как раньше, уже не мечтаю о встрече с прекрасной

незнакомкой. Хотя такая мечта сопровождает человека в течение всей его жизни, кроме тех недолгих промежутков, когда он находится в любовной коме, плохо видит и ощущает окружающий мир. Предположим, я встретил прекрасную незнакомку, добрую, светлую, чистую, терпеливую. И что я ей предложу? Свои знания, живой ум, немолодое тело, легкий ужин в Доме ученых и скромные букеты? Возможно, она чудесная и бескорыстная, но она женщина, и в ее представлении прекрасный незнакомец может дать многое, улучшить ее жизнь, сделать ее более интересной и самое главное, материально более обеспеченной. Это заложено природой в женщине. Может, тогда лучше оставаться неудовлетворенным жизнью, не совсем счастливым, но не смешным и не жалким в глазах предполагаемой прекрасной незнакомки? Боже упаси! Какой скудный выбор оставила мне жизнь. Нет, я не согласен на такую участь!»

* * *

Иван Ильич работал у себя в кабинете, когда зазвонил телефон.

– Иван, ты не спишь?

– Нет, мама. Работаю над новым учебником, который включен в издательский план этого года, поэтому до конца года я должен его завершить.

– Какие-то деньги будут за эту книгу?

– Очень незначительные. Пишем, так как для переизбрания на должность профессора или заведующего кафедрой нужны публикации.

– А старые учебники, они что, уже непригодны? И что вы с ними делаете, выбрасываете, что ли?

– Фактически обновляем их на 20–30 %, а то и меньше, и переиздаем. А те, что устарели, отправляем в макулатуру. Такова система.

– Глупая система. Если человек трудится, должно быть материальное вознаграждение.

– Может быть, мама, ты и права. Удачно сходили в театр? Девушка тебе не в тягость?

– Нет, абсолютно. У меня создается впечатление, как будто она уже много лет живет со мной. Все понимает с полуслова, очень предупредительна и вежлива.

– Я рад. Мама, мне неудобно возобновлять разговор о деньгах, но когда ты сможешь одолжить эти 60 тысяч рублей?

– Хоть сегодня. Пойду в банк, и вечером можешь их забрать. Но, Ваня, смотри, Ирину одну не отправляй – она себя плохо контролирует. Вдруг начнет пить больше обычного?

– Ну, мам, она же взрослый человек, что я могу поделаться? У меня начинается учебный год.

В первый день учебного года перед коллективом выступил ректор – констатировал успехи и недочеты, обозначил новые задачи и пути к их достижению.

После Иван Ильич собрал членов кафедры, но проводил заседание вяло и рассеянно. Потом решил перекусить в буфете.

Обычно еду из буфета приносила лаборантка, но с уходом Лауры в декретный отпуск эта должность пока была вакантна. Он вспомнил Лауру, ее молодое упругое тело, лукавые, затуманенные от возбуждения глаза, и ему опять захотелось близости с ней.

«С этой историей покончено, – многократно убеждал он себя. – Девушка постепенно становилась проблемой, особенно из-за ее матери, этой омерзительной женщины. Она все время искала новые схемы выманивания у меня денег. Слава Богу, все в прошлом».

Когда он вернулся из столовой, в приемной сидела Ольга. Он рассеянно поздоровался и хотел пройти к себе в кабинет, когда девушка обратилась к нему:

– Иван Ильич, я пришла узнать, что мне делать дальше. Я уже была в отделе аспирантуры, взяла расписание занятий и сейчас приступаю к своим аспирантским делам – как я поняла, к подготовке сдачи кандидатских минимумов.

– Прости, Ольга, за рассеянность, я тебя не узнал.

– Иван Ильич, можно обратиться к вам по другому вопросу? Вы как-то вскользь упомянули, что место лаборантки у вас свободно. Если бы вы поручили эту работу мне, я была бы очень признательна, лаборантская зарплата мне была бы очень кстати. Столичная жизнь исключительно дорогая, не мне вам объяснять. Мне еще надо вернуть долг Людмиле Васильевне – она ведь купила для меня платье и плащ.

На последнюю фразу Иван Ильич не обратил особого внимания, вызвал своего заместителя, пожилую интеллигентную женщину, и поручил ввести Ольгу в курс обязанностей лаборантки, а сам поспешил на заседание редакционного совета институтского журнала.

Через два часа, когда он вернулся на кафедру, Ольга уже сидела в приемной и что-то энергично печатала на компьютере.

– Ольга, уже шестой час. Иди к себе в общежитие, отдохни, а завтра у нас будет насыщенный и довольно напряженный день.

– Иван Ильич, позавчера мне предоставили место в общежитии, но я пока не перебралась туда. Людмила Васильевна попросила на некоторое время задержаться у нее.

– Я не знал об этом. По-видимому, ты ей понравилась. У нее свой, давно отлаженный ритм жизни, и если она идет на такой шаг... А может, ты предпочитаешь жить в общежитии, и тебе просто неудобно отказаться от ее предложения?

– Нет, что вы! Мне очень удобно и приятно оставаться у Людмилы Васильевны, а в общежитии я еще успею пожить.

– Ладно, тогда поехали вместе, я как раз собираюсь повидаться с мамой. Давай еще заедем в супермаркет и купим для вас на ужин что-нибудь вкусненькое.

– Ничего не надо. Утром, до приезда в институт, я все купила по поручению Людмилы Васильевны – она решила сделать вам сюрприз по поводу начала нового учебного года.

– Ну что же, тогда позвоню Ирине и предупрежу, чтобы она одевалась...

– Иван Ильич, что-нибудь случилось? Может, вы себя плохо чувствуете?

– Нет, все нормально. Поехали.

Он не мог сказать, что Ирина, с трудом выговаривая слова, сославшись на головную боль, положила трубку. Было очевидно, что она опять злоупотребила спиртным и лежит в полузабытьи. Он со страхом подумал, что, вернувшись домой, опять будет один в четырех стенах с тяжелейшими мыслями о здоровье жены, неудачной совместной жизни и ожидающем его вечном одиночестве. Надо проявить характер, надо спасти Ирину, убеждал он себя.

По дороге к маме, сидя в машине рядом с молоденькой девушкой, Иван Ильич нечаянно бросил взгляд на ее оголенные выше колен длинные красивые ноги. Он быстро отвел взгляд, но Ольга его заметила и стала ерзать на сиденье, стараясь натянуть пониже купленное несколько дней назад

Людмилой Васильевной короткое платье. Непонятная электрическая искра пробежала между ними, создавая только им известную, некую новую сторону их отношений.

Уже дома у матери Иван Ильич и Ольга избегали встречаться взглядами, стараясь общаться друг с другом через Людмилу Васильевну.

«Странное создание человек, – размышлял Иван Ильич, рассеянно отвечая на вопросы матери. – Как в течение доли секунды его мозг может фиксировать столько разнообразных мыслей, противоречивых чувств, проследить за которыми никак не представляется возможным! Какую огромную силу взаимного тяготения заложила природа между мужчиной и женщиной, даже настолько разных по возрасту, по жизненному опыту, по социальному положению! Как сложно всегда быть разумным и правильным, не выходить за рамки сложившихся в течение веков понятий чести и морали, не уронить свое и чужое достоинство, чтобы потом не раскаяться за глупые порывы и поступки. Почему Бог создал человека таким сложным, уверен, до конца и для него самого не понятным и не предсказуемым? Видимо, для того, чтобы человек вечно сомневался, страдал, мучился и раскаивался за свои неправильные поступки и мысли. В эту минуту у меня в голове три женщины: моя мама, любимая несчастная жена и откуда-то вдруг появившаяся рядом эта молодая девушка».

– Иван, о чем ты задумался?

– Мама, пока Ольга на кухне, скажи, пожалуйста, тебе не

сложно с ней?

– Иван, девушка мне абсолютно не в тягость. Наоборот, она внесла такое тепло в мою жизнь, такой уют, что я сама удивлена. Пусть останется у меня на пару недель, а потом, если необходимо, я ее отправлю в общежитие.

– Мам, поступай, как тебе удобно. Прости, что напоминаю насчет денег.

– Деньги уже у меня – возьми. Если нужно больше, я дам.

– Нет, мама, достаточно. На днях отправлю Ирину на лечение, провожу ее до санатория и через день-два вернусь.

* * *

– Ирина, ты спишь? Ведь еще нет и девяти вечера. Хочу тебя обрадовать: деньги мама уже дала, и завтра же я начну хлопотать насчет твоей поездки.

– Иван, ты так радуешься, что поневоле у меня возникают подозрения, может, ты и твоя мама хотите поскорее освободиться от меня... Почему не отвечаешь? Признайся, ведь я права?

– Ирина, ты говоришь глупости. Никак не ожидал такой несправедливости в адрес моей мамы, о себе уже и не говорю. Ты действительно больна, и болезнь, по-видимому, у тебя не только физического плана.

– Прости, Вань, как-то случайно получилось, не хотела такое сказать. Впрочем, не хочу раскаиваться. Что сказала, то

и сказала. Тебе скоро стукнет шестьдесят, но тобой продолжает управлять твоя мама. Ты был и остаешься маменькиным сынком. Сейчас она приютила у себя эту молодую провинциалку, я понимаю, для чего – она готовит мне замену.

– Ирина, ты действительно сошла с ума! Откуда у тебя эти несправедливые, идиотские мысли? Ведь несколько дней назад ты сама хотела приютить эту девушку. Тогда ты была похожа на себя, на настоящую, добрую Ирину, которую я знаю много лет. Объясни, что с тобой? Не плачь, я хочу услышать нормальную, разумную речь.

Ирина продолжала плакать, Иван Ильич, постояв еще несколько минут в расстроенных чувствах от такого неожиданного выпада Ирины, пошел к себе. «Действительно, каждая семья несчастна по-своему. Кажется, все для счастья у нас есть: все здоровы, более-менее устроены, любят друг друга, связаны между собой. Но что-то не так, чего-то не хватает. А больше всего мне жаль Ирину – прямо на глазах меняется в худшую сторону. Может, это наказание за мой аморальный поступок – связь с молоденькой девушкой? Глупость, вздор воспаленного мозга заключенного в четырех стенах интеллигента, заменившего реальную жизнь книгами и виртуальным миром. На самом деле все очень просто: я искал и получил женскую ласку, всепоглощающее удовольствие, а она к тому же получила материальные блага и мою поддержку. В отношениях пожилого мужчины и молодой девушки это обязательный фактор. Та к было и так будет

впредь. А Ирина, как самостоятельное биологическое существо, сама должна бороться за свою жизнь, здоровье и счастье. Это закон природы, который никакие гуманистические, человеколюбивые теории не могут заменить. Мой моральный долг – всячески ей помогать, что я и буду делать».

В следующую пятницу, около полудня, на поезде «Москва – Петрозаводск» супруги отправились в путь. Всю дорогу они молчали. Ирина отрешенно смотрела в окно, Иван Ильич читал последний номер институтского журнала. Только раз Ирина, не отводя взгляда от окна, тихо и спокойно сказала:

– Иван, у меня предчувствие, что я домой уже не вернусь.

– Откуда эти мрачные мысли? Все хорошо, ты ничем серьезно не болеешь, мы все тебя любим. Отдохнешь, поправишься, вернешься, заживем как прежде, начнем все сначала.

– Не вижу смысла в моей жизни...

* * *

В специализированном санатории-клинике их встретили вежливо, отвели Ирине большую, светлую комнату на втором этаже. По просьбе Ивана Ильича за дополнительную плату там поставили кровать и для него.

– Иван, поезжай домой, у тебя работа.

– Не могу я тебя оставить, Ириночка, в таком душевном

состоянии. Всего несколько дней назад ты жила спокойно и жаловалась только на излишнюю полноту, а сейчас впала в идиотскую депрессию и ищешь смысл в жизни. Поиски смысла жизни ни прежде, ни сегодня никого еще не довели до добра, а сами «ищущие» закончили жизнь на виселице, или покончили с собой, или были заключены в тюрьмы, депортированы, сосланы. Смысл жизни, помни, – сама жизнь, то, что ты мыслишь, чувствуешь, любишь, получаешь тепло и любовь своих близких, – другого не дано. Надо жить столько, сколько предопределено нам природой. Что мне сказать еще? Ирина, а в чем смысл моей жизни? Сидеть по 16 часов в день в кабинете, бесконечно читать, готовиться к лекциям, писать книги и статьи? Работа – дом, дом – работа, общение с вами, со студентами и коллегами. Как еще ты представляешь жизнь в нашем возрасте и нашем положении? Не зря мудрость гласит: удовлетворяйся тем, что у тебя есть. Понятно, это не означает, что человек не должен стремиться к лучшему, высшему, светлому. Это тоже заложено в нем природой.

– Вань, может, ты и прав, но я воспринимаю и ощущаю мир по-своему. Сегодня – так, а завтра все, возможно, покажется мне другим. В светлое время дня, в летние месяцы я чувствую себя лучше, но ожидание мрачной, холодной и такой долгой зимы меня ужасает. Ты идешь на работу, а я остаюсь дома одна. Летом, если нет дождя, выхожу, прогуливаюсь, иду в магазин, изредка – с кем-то из знакомых в кафе. Ты возвращаешься – ужинаем, смотрим какие-то по-

литические программы по телевизору, и ты уединяешься в своем кабинете. Я одна, все время одна, кроме вечно занятых детей, меня сейчас никто не интересуется. Жаль, что я не родилась на юге Европы.

– Поверь, ты и там нашла бы какие-то причины для плохого самочувствия. Пойми, Ира, болезнь одиночества – это новое состояние в современном мире. Во всем мире, особенно в развитых странах, когда человек уже не борется за выживание, за каждодневное пропитание, когда он обеспечен, у него появляется много свободного времени. К тому же люди выходят на пенсию рано, средняя продолжительность жизни везде увеличилась на 10–15 лет, и пенсионный период составляет фактически треть жизни среднестатистического человека. Поэтому люди, привыкшие работать, не зная, чем наполнить свое время, начинают тосковать, появляется чувство одиночества. Это съедает человека изнутри, убивает его. У одних народов существует культура времяпровождения – собираться в клубах по интересам, объединяться в общественные движения, встречаться в кафе на углу своей улицы, где все друг друга знают. У нас летом бабули сидят во дворе, мужики забивают «козла», но это всего два-три месяца. Зимой же они в своих маленьких квартирах тихо выпивают, смотрят глупые, отупляющие человека телепередачи и в десять вечера ложатся спать. Ты – одна из огромного количества незанятых, не знающих как и куда приложить свои силы и духовную энергию людей, и поэтому недовольна. На-

до найти новые интересы.

– Может, Вань, ты и прав.

Два дня Иван Ильич провел с женой, они выходили на утренние и вечерние прогулки, однажды даже пошли в кино. В скудной библиотеке санатория Иван Ильич нашел несколько произведений современных писателей, которые могли заинтересовать Ирину. Она обещала лечиться по-настоящему и отвечать на его звонки по мобильному телефону. С тяжелым сердцем Иван Ильич попрощался с Ириной, вернулся в Москву и уже в понедельник вышел на работу.

* * *

– Иван Ильич, – доложила Ольга, – звонила доцент Смурыгина и попросила кем-то заменить ее – у нее высокая температура.

– Кто сегодня дежурный по кафедре?

– Роза Петровна Карасина.

– Нет, она не сможет заменить Смурыгину – молода и неопытна. И потом, курс ей незнаком. Придется пойти самому.

С трудом собравшись с мыслями, Иван Ильич прочитал перед большим курсом лекцию и спешно вернулся к себе. В приемной его уже ждали несколько преподавателей с различными проблемами.

– Друзья, дайте мне пять минут, и потом я вас всех приму.

Первым делом он набрал номер Ирины. Ее голос ему показался более-менее бодрым, и он, успокоенный, положил трубку.

– Иван Ильич, освободились? По городскому телефону звонит женщина, хочет поговорить с вами.

– Она не представилась?

– Сказала, что представится лично вам.

Удивленный Иван Ильич взял трубку.

– Иван Ильич, здарсьте! Это Стелла.

– Да, Стелла? Случилось что-нибудь с Лаурой?

– Нет, ничего не случилось, но нам надо срочно встретиться.

– Стелла, только начался учебный год, я очень занят. Давайте как-нибудь в другой раз? И потом, простите, какие могут быть причины для такой срочной встречи? С Лаурой все в порядке, она держит связь с кафедрой. Так вот, давайте на этом закончим.

– Подождите, Иван Ильич, не вешайте трубку. Вы куда-то торопитесь? Встреча скорее нужна вам, чем мне.

– Стелла, у меня создается впечатление, что вы хотите меня шантажировать.

– Вы, Иван Ильич, очень догадливый человек. Понятно – вы же умный, профессор. Я хочу показать вам одну видеозапись. Запись о том, как некий пожилой козел (кстати, профессор) развращает молоденькую девушку, свою аспирантку, вытворяет такие фокусы с ней, что ни в одном порно-

фильме еще не додумались снять. Кажется, вы будете очень огорчены, если запись попадет в руки вашего руководства, ваших коллег или в правоохранительные органы. Ее с радостью посмотрят и ваша жена, и ваши дети, а, может, даже и внуки. Они будут очень гордиться вами – какой у них дед молодец, как в самых невероятных позах обрабатывает хрупкую девушку.

– Вы врете, у вас ничего нет. Сожалею, что перешагнул границы дозволенного, но вы же помните, что все было с вашего и Лауры согласия. Вы были счастливы, что я взял девушку под свою опеку, приютил, снимал квартиру, содержал. Вы тоже воспользовались этим – питались, одевались, ездили отдыхать за ее, то есть за мой счет. В этот самый тяжелый период вашей жизни я протянул вам руку помощи. Не знаю, что бы еще с вами случилось, ваша судьба меня не волнует, но Лауру мне было жаль, и сегодня эта девушка мне не чужая. Если что, я всегда готов помочь ей. Пожалуйста, уходите из моей жизни, не хочу ни слышать, ни видеть вас.

– Профессор, еще раз повторяю, у меня в руках видеозапись. Я не стреляю по воробьям холостыми патронами. Да, дорогой зятек, придется освежить вашу память. В записи многократно повторяется одна из ваших любимых поз: когда вы сидели в чем мать родила на красном плюшевом кресле, а на полу на коленях стояла Лаура. Вы заботливо подложили ей под ноги подушку. Потом большим пушистым полотенцем прикрывали ее худенькие плечики, чтобы она не просту-

дилась. И чем занимались? Продолжать?

– Что вы хотите, подлая женщина?

– Встретимся на углу стоянки у супермаркета рядом с вашим институтом. Там и поговорим о том, что я хочу.

Ошарашенный, с чувством глубокого омерзения, Иван Ильич сидел в кабинете, плохо соображая, как ему поступить. Снова раздался звонок из приемной.

– Ольга, я очень занят, никого не могу принимать. Пусть подойдут завтра.

Мир как будто перевернулся! Его бросили в помойную яму, и он тонет в человеческих отбросах. Как низко он пал, с какими подлыми людьми он связался! Может, Лаура действует с матерью заодно, и они вместе организовали всю эту отвратительную игру с видеозаписью? Маловероятно. Она при всей своей лукавости девушка неплохая, в меру интеллигентная, понимает, что если эта видеозапись где-то всплывет, то будет поставлено под угрозу не только ее семейное положение, но и перспектива работы в институте.

Иван Ильич отправил по мобильному телефону сообщение Лауре с просьбой срочно позвонить ему.

По внутреннему телефону опять позвонила Ольга:

– Иван Ильич, что-нибудь случилось? Может, вы себя плохо чувствуете? Вас много раз спрашивали из ректората, а также по городскому телефону.

– Ольга, запишите имена всех, кто спрашивал меня. Скажите, что завтра я свяжусь с ними. Сейчас мне надо закон-

читать одну срочную справку, и прошу, больше не беспокойте меня. Кстати, можете домой поехать одна, не ждите меня – я вернусь поздно. Предупредите маму, что меня сегодня не будет.

Работать, думать о чем-то другом он уже не мог. Иван Ильич прокручивал в памяти детали разговора со Стеллой. Чего она хочет? Разумеется, денег. Как он не догадался, что его могут записать, снять на видео! Если так могли поступить с бывшим генеральным прокурором России, то почему то же самое не может случиться с ним, обыкновенным профессором, беззащитным, не наделенным властными полномочиями? Но там – большие деньги и политические интересы, а здесь? «Родная мать сперва с радостью почти узаконивает интимные отношения дочери со мной, а потом записывает видео и шантажирует меня. Я догадался, что она – авантюристка, нечистоплотная женщина, но так мерзко поступить в отношении человека, сделавшего им столько добра? Чему я удивляюсь? Не вижу, что происходит вокруг? Бесследно исчезают десятки тысяч людей, газеты, телевидение шумят, что их похищают для расчленения и продажи человеческих органов преступным медицинским организациям. Детская проституция, убийства, похищения людей с целью получения выкупа стали повседневным, обычным делом в нашей жизни.

Демократия, свобода человека в России принимают странные формы. Привыкший к несвободе народ восприни-

мает их как призыв к анархии и насилию. Национальной идеей стало: брать все, что возможно – собственность, а иногда и жизнь другого человека, вести праздный и веселый образ жизни, в первую очередь дать волю своим подавляемым ранее инстинктам. При этом мало работать или вообще не работать. Такой образ жизни пропагандирует наш дешевый, из-под задворок жизни вышедший политический и культурный бомонд, разножанровая примитивно-дешевая попса. И кто возмущается? Я, который сожительствовал с молодой девушкой, социально зависящей от меня, для которой я авторитет, научный руководитель? Но она же была совершеннолетней, с определенным сексуальным опытом, к тому же выдавшей немало порнографических фильмов. Она с энтузиазмом шла на связь со мной, понимая, что это шанс устроить свою жизнь. С малых лет она видела, как мамочка Стелла и ее младшая сестра тетя Роза используют свои женские пышные формы для получения от мужчин всевозможных жизненных благ. Более того, не стесняются, а наоборот, гордятся, считая это нормальным бизнесом. В позапрошлом году, когда по настоянию Стеллы я отправил их на отдых в Турцию, после возвращения Лаура как-то в порыве откровенности рассказала мне, что ее мама Стелла познакомилась с одним пузатым, с золотыми зубами торговцем овощами. Ходила с ним по ресторанам и рынкам, заставила его купить для нее массивный золотой браслет и всевозможную одежду. В конце концов Стелла с горечью сообщила, что торговец из-

бегает ее и предлагает приличную сумму, если Лаура согласится принять его ласки. Правда, – удивлялась Стелла, – как Гасанчик после нее обратил внимание на такую худышку, у которой кроме длинных ног и больших глаз больше ничего нет? После долгих увещеваний и угроз мамы и трехкратного увеличения суммы, равной цене норкового полушубка, Лаура согласилась, надеясь, что сумеет обойтись разговорами и легкими ласками и закончить дело в пределах полутора-двух часов, о чем было заранее оговорено. Но когда Гасанчик с огромным, покрытым черными волосами животом, в длинных, до колен, трусах, с первой же секунды ринулся в бой, она закричала и убежала из комнаты. Мама ее сильно ругала, даже ударила, угрожая, что оставит ее голодной, лишит хорошей одежды. Гасанчику она не вернула часть денег, угрожая, что заявит в полицию на его попытку изнасиловать ее дочь. Два дня Стелла держала Лауру впроголодь, заявив, что она сама должна заработать на хлеб и на свою одежду».

«Я еще удивляюсь, – продолжал свои размышления Иван Ильич, – что Стелла – истинная дочь своего времени – может иметь какие-то светлые уголки в душе. Она считает абсолютно нормальным выжимать из своего окружения все, что возможно. Таких категорий, как аморально, подло или нечестно, для нее не существует. Есть понимание, что возможно, а что – нет. Я сейчас осуждаю других, тогда как в сегодняшней ситуации виноват я сам и никто другой. Осмелился бы я в советское время вступить в сексуальную связь со своей

молоденькой подчиненной? И тогда всякое бывало. Но два фактора: страх перед властью в лице партийных и профсоюзных организаций и администрации, и, наконец, наше отношение к окружающей реальности – было предопределено нашей скудной зарплатой. Жена точно знала, сколько я получаю, и потратить несколько рублей без ее ведома было почти невозможно. Не то что сейчас: удалось снять квартиру и фактически содержать, одевать и обувать молодую любовницу с активной, прожорливой, большегрудой, большезадой матерью.

Да, уже пора, надо идти на встречу с этой подлой тварью. Ничего доброго не жду. Дай Бог мне мужества и нервов выдержать это испытание».

Глава II. Грубый удар. Беспомощность и унижение

Иван Ильич припарковал свою «Мазду» в дальнем углу автостоянки у супермаркета и стал ждать Стеллу. Моросил мелкий, осенний, противный дождь, сопровождаемый порывистым ветром. Весь мир представлялся ему в эту минуту безрадостным и мрачным. Был уже седьмой час. «Надо позвонить Ирине», – подумал он, когда двери машины резко открылись с двух сторон. На переднее сиденье плюхнулся большой мужчина в мокром темном плаще, а на заднее – Стелла, на ходу закрывая зонтик. Щекастая, с заметным макияжем, сильно пахнувшая духами и косметикой, пышущая каким-то животным здоровьем, она внесла в машину атмосферу другого, чужого мира. Глаза ее блестели, лицо выражало напряжение и одновременно предвосхищение чего-то радостного. Было видно, что такие жизненные ситуации для нее обычны, возбуждают ее, как охотника перед возможной добычей, и доставляют истинное удовольствие. Сидящий рядом с Иваном Ильичом мужчина лет 50–52, с огромной головой на широких плечах, с прямыми густыми светлыми волосами, с крупными чертами лица, очевидно напоминающими откуда произошел человек, безразлично, в упор, пустым взглядом смотрел на Ивана Ильича. Молча он протя-

нул огромную ладонь, вынул ключи автомашины и закрыл изнутри двери на замки.

– Здравствуйте, Иван Ильич! У меня складывается впечатление, что вы не рады нашей встрече.

– Кто этот человек? Стелла, почему вы его привели с собой и почему он забрал ключи от моей машины?

– Это мой адвокат Сергей Геннадьевич Кондаков, кстати, майор полиции. Я его пригласила, потому что боялась насилия и провокации с вашей стороны.

– Понятно. Спорит с вами бесполезно. Что вам нужно?

– Сожалею, Иван Ильич, я должна огорчить вас. У меня серьезное онкологическое заболевание, возможно, пока на начальной стадии, но проблема уже очевидна.

– Мне очень жаль, но, как вам известно, я историк, а не врач.

– Я должна, – продолжала Стелла, не обращая внимания на слова Ивана Ильича, – пройти обследование в Германии и, по всей вероятности, оперироваться. Мы с Сергеем Геннадьевичем узнали, что это стоит больших денег, которых, к сожалению, у нас нет. Вот поэтому я и решила вас побеспокоить. В конце концов, вы не чужой человек, мы когда-то жили с вами как одна семья.

– Стелла, я старался и немало помогал Лауре, кажется, и вам. Сейчас каждый живет своей жизнью. У меня самого своих проблем предостаточно. Надеюсь, вы сами найдете какой-то выход из этой печальной ситуации.

– Иван Ильич, вы обязаны мне помочь. В противном случае я буду вынуждена показать вашим коллегам ваше истинное лицо извращенца. А заодно о ваших сексуальных похождениях узнают ваша жена и дети. Такой аморальный тип, извращенец, как вы, не имеет права войти в аудиторию, преподавать студентам, учить их доброму и разумному.

– О какой сумме идет речь? – отступил Иван Ильич.

– Не особо много – 75 тысяч евро.

– Нет, 100, – буркнул до того сидевший молча полицейский. – Есть и другие расходы: дорога, проживание.

– Ценю ваше чувство юмора. Я только что взял у матери в долг 50 тысяч рублей, чтобы отправить на лечение больную жену.

– Мужик, с тобой долгого базара не будет. Или даешь эти деньги, или позорно вылетаешь с работы и начинаешь разборки со своей больной женой! – вступил в разговор полицейский.

– Откуда я достану такую, для меня сумасшедшую, неподъемную сумму?

– Иван Ильич, миленький! Забери к себе мамочку и оформи ее квартиру на нас. Или лучше сам ее продай. Эта квартира стоит в два или три раза дороже, чем мы просим. Заодно и сыновний долг выполнишь. Неудобно ведь: 80-летняя женщина живет одна, без надлежащего присмотра.

– Стелла, это нереально. Мама не согласится. И чем я объясню такой непонятный поступок? Нет, это невозможно.

– Иванушка, дорогой, – продолжала настаивать Стелла, – продай дачу. Она тоже на 300–350 тысяч евро потянет.

– Откуда вам известно, сколько стоит моя дача? Вы же ее не видели. И Лаура никогда там не была. Насчет квартиры я знаю, она была там несколько раз и, видимо, рассказала вам.

– Мужик, – опять глухо и угрожающе вступил в разговор Сергей, – в областной кадастровой картотеке ты числишься как собственник. Там указан кирпичный дом площадью 420 квадратных метров. Выяснить это заняло 15–20 минут. Мы со Стеллой побывали там и на месте посмотрели твою дачу. Добротный дом, большой хороший сад, есть вода, газ, электричество, находится недалеко от магистральной дороги. Так вот, продашь в два счета, если не загнешь цену.

– А кто купит? Вся Рублевка выставлена на продажу. Люди за полцены продают собственность и тысячами уезжают из России.

– Ты, Ванечка, продай за недорого. И нам отдашь свой долг, и тебе кое-что останется.

– Я не знал, что я вам должен.

Сидящий рядом полицейский как-то вяло, с лентой, ладонью ударил Ивана Ильича по голове, который инстинктивно хотел отскочить, но больно ударился о стойку автомашины и на секунду потерял сознание. Очнулся он от того, что Сергей стал заливать ему в горло спиртное из маленькой металлической канистры.

– Ну что, мужик, ты сам напросился на такую «ласку».

Граммов сто я дал тебе, чтобы ты не буйствовал, – спокойно, не меняя выражения лица, обратился к нему полицейский, – твои документы, технический паспорт на машину, водительское удостоверение у меня. В кошельке у тебя было всего 15 тысяч рублей. Нам со Стеллой необходимо после такой неприятной разборки с тобой немного отдохнуть, выпить и перекусить. Машина с документами останется у меня как залог нашей договоренности. Не думай бежать в полицию, тебя там обхохочут и тобой никто не будет заниматься. В крайнем случае мы со Стеллой докажем, что ты, бывший зять, в общем, друг, добровольно отдал нам ключи, так как был нетрезв, и мы тебя на такси отправили домой. Но тогда пеняй на себя. На всех порносайтах будет демонстрироваться фильм о том, как солидный седовласый профессор в очках со знанием дела обрабатывает молоденькую аспирантку, какие офигенные позы находит, какая у него сексуальная фантазия! А может, тебя даже попросят написать учебник, но уже не по истории, а по порнографии для неопытных, начинающих молодых людей. Усек, мужик? На тебе 200 рублей, и мотай домой.

Полицейский левой рукой открыл дверцу со стороны Ивана Ильича, а правой резко толкнул его из машины. Иван Ильич неуклюже упал на мокрый асфальт. Минуту посидел, а потом перебрался на бордюр, краем глаза заметив удаляющуюся машину. Он обхватил руками готовую взорваться голову. «Какой позор! Как страшно эти мерзкие люди унизи-

ли меня. Понимают, что я испугаюсь, не предприму никаких действий. А что я могу сделать? Любые мои действия, в конце концов, обернутся против меня. Дай Бог сил не умереть от унижения и стыда прямо здесь, на мокром асфальте!»

Иван Ильич вспомнил безвольное, угрюмое лицо Ирины, маму, детей и внуков. «Что будет с ними, если я сейчас получу инфаркт, умру, стану инвалидом?» Волна внезапной острой ненависти к Стелле и полицейскому заставила его вскочить с места и дико, как зверь, зарычать, но потом он опять сел на бордюр. Люди входили в супермаркет и выходили из него, однако никто не обращал внимания на сидящего на бордюре немолодого, обхватившего голову руками мужчину в мокром плаще. Он остался в этом огромном мире наедине со своим горем. «Боже, как жестоко я наказан за свое прелюбодеяние, за свою слабость, за минутное отступление от тех принципов, которых я придерживался всю свою жизнь! Боже, создав нас, ты остался безразличным к нашим судьбам и нашим страданиям. Я от тебя ничего не жду, это удел слабых. Я начал всю эту историю, я и должен ее завершить».

Иван Ильич был настолько морально и физически разбит, что и не думал прямо сейчас пойти в ближайшее отделение полиции. Он понимал, что его, в мокром, грязном плаще, сильно пахнущего водкой, без документов, примут за бомжа, возможно даже задержат в кишасщем клопами и тараканами «обезьяннике», под издевательский смех сокамерни-

ков и проходящих мимо полицейских. Его мысли прервал звонок мобильного телефона. Звонила Ирина.

– Вань, где ты? Почему не звонишь?

– Не беспокойся, у меня все в порядке.

– Что с тобой? Ты каким-то другим голосом говоришь.

– Да, дорогая, час назад я стал другим человеком. У меня появилась цель и неудержимая воля ее выполнить.

– Вань, ты выпил что ли? Не похоже на тебя.

– Сегодня я с коллегами слегка отметил начало учебного года.

– Но уже неделя, как он начался.

– Я в дороге. Позвоню тебе из дома.

* * *

Всю ночь Иван Ильич ни на секунду не сомкнул глаз. Его лихорадило. Он даже измерил температуру. Ничего особенного, если учесть, что остался под дождем и вымок до нитки. Несколько раз он сменил промокшее от пота нижнее белье, потом снова принимал душ и опять ложился. Нашел в буфете полбутылки виски и осушил ее. От спиртного голова отяжелела, но мозг работал лихорадочно и искал пути выхода. Страх быть опозоренным, оплеванным уже отошел на второй план. Осталось только одно огромное острое желание – жестоко наказать этих ненавистных животных. Никто никогда так не унижал его, не оскорблял его достоинство. Как

будто из каждого угла квартиры звучал издевательский хохот Стеллы и ее друга-громилы. «К черту, – подумал Иван Ильич, – забрали машину, может, этим и успокоятся. Машина не новая, трехлетней давности. На рынке за нее дадут несколько тысяч долларов – не больше. Нет, они не успокоятся, – ответил он сам себе, – обязательно продолжат шантажировать, понимая, что загнали меня в угол и мне некуда отступить. Лучше отдать этим подонкам что-нибудь, тогда, может, они оставят меня в покое. Но что отдать? Машину, квартиру? Нет, я не могу лишиться маму квартиры, любимого угла, где все ей дорого, где каждая вещь напоминает прошлую жизнь, рано ушедшего мужа, ее молодые годы. Так жестоко, бесчеловечно поступить с мамой я не могу. Почему она должна идти на такие жертвы? Разумеется, если она узнает, что я в затруднительном положении, пойдет навстречу. Какой стыд! Этот вариант отрицаю начисто. Лучше продать дачу. Моим скажу, что хочу купить загородный дом поближе. Им известно, что в этом году первый этаж затопило, и каждый год весной повторяется та же история, притом затапливается не только наш дом, но и соседские. Правда, я в этом году дачу, особенно подвальное помещение, основательно отремонтировал, зацементировал и снаружи, и изнутри, провел дренажные работы. Дом сейчас в хорошем состоянии, и продать его возможно. Тогда часть денег положу в банк, а часть отдам этим подлецам. Наши же не будут проверять, какую сумму я положил в банк. Но где гарантия, что

через некоторое время эти мерзавцы не выдвинут новые требования, ведь им уже ясно, что они могут надавить на меня. Они если и отдадут мне видеозапись, то десяток экземпляров копий непременно оставят у себя. После дачи они уже точно заставят продать мамину квартиру. Потом заставят обменять мою большую квартиру в центре на маленькую девушку, скажем, в Бутово или еще где-то на окраине. Это сто процентов, вне всякого сомнения. Может, ничего не отдавать, отказаться пойти у них на поводу? Пусть делают, что хотят. Тогда придется уйти из института, перестать общаться с коллегами и друзьями. А как поступить с семьей? От них же я не могу никуда уйти. Мой позор и унижение – такой страшный удар для них. Как трагично я завершаю свой легкомысленный роман! Даже не роман, а просто моральное отступление, недозволенную ошибку. Может лучше покончить жизнь самоубийством? Нет, это слабость плюс трусость. И по какому праву я так страшно накажу себя и моих близких? Старую маму, больную и беспомощную жену, легкомысленного сына и дочь, оставшуюся с двумя детьми. Нет, я такой путь начисто отвергаю. Тогда, может, попробую через полицию воздействовать на этих подонков? Смешно! Разве полиция в нашей стране кому-то помогает? Они же работают только для себя и для начальства. Если кого-то и задерживают, то очевидных, случайно попавшихся воров, налетчиков, пьяных дебоширов. Может, устроить ловушку для Стеллы и громилы, договориться с полицией, назначить время и место

встречи для передачи денег и сдать их в руки полиции как вымогателей. Тщетные надежды, эти неотесанные полуграмотные мужики все сделают настолько неуклюже, что или провалят операцию, или, что более вероятно, за деньги общат своему коллеге о готовящемся задержании.

Предположим, их поймали, начинается расследование, суд. Но, в конце концов, раскроется причина, почему эти люди меня шантажировали. В любом варианте последует просмотр видеозаписей, вызов свидетелей, огласка, позор и издевательство. Возможно, этот факт станет известен представителям средств массовой информации, падким на скандалы и сенсации, особенно когда в центре не чиновник, бандит, силовик, с которыми опасно иметь дело, а беззащитный интеллигент. Как не трубить во все фанфары, не показать по всем каналам нашего продажного телевидения такой жареный скандальный факт! Трудящиеся, коммунисты, пенсионеры и малоимущие – все-все-все, посмотрите на проповедующего либеральные ценности представителя российской интеллигенции, поклонника западной демократии, недовольного критика нашей “истинно народной” власти. Эти иностранные агенты портят наших детей своими идеологическими постулатами не только морально, но и физически. Благодаря высокому гражданскому сознанию матери девушки – труженицы Стеллы, попался один из них, матерый извращенец. А сколько их, этих профессоров, писателей, деятелей культуры, так называемых независимых журнали-

стов – истинных врагов простых людей? Надо поднять на вилы журналистов, пишущих всякую клевету на нашу родную власть, вырвать их ядовитые языки. Да, все может быть именно так, но причина всему этому – я сам и никто другой. Миллионам любвеобильных, молодых и не очень, мужчин везет, а мне – нет, не повезло. Как ни проклинай судьбу, я – единственная причина всех моих страданий. Раздвоенность личности, двуличие, присуще, разумеется, не только мне, но и в разной степени всем людям. Невозможно угадать, что происходит в лабиринте подсознания человека, там смешано все: добро и зло, трусость и героизм, великодушные и мелочный эгоизм, разврат и добропорядочность, – в каких условиях и как они могут быть проявлены – остается загадкой. В редчайших случаях человек полностью раскрывает свой внутренний мир. Он всегда инстинктивно, даже не отдавая себе отчета, хочет показать себя лучше, выше, добрее, умнее, честнее, храбрее, преданнее, чем он есть на самом деле. Это людская природа. Я человек, и мне присущи все человеческие добродетели и пороки. Даже в мелочах человек лукавит, не отдавая себе отчета в этом. Одни живут, не осмеливаясь нарушить человеческие и Божьи законы, другие нарушают их с надеждой сохранить все в тайне. В одних людях зов природы мягче и слабее, в других он сильнее, и им трудно его подавить. У одних случай и судьба не ведут к запрещенному деянию, перед другими – ставят сложнейшие моральные и душевные задачи. Одни могут усилием воли за-

ставить себя отказаться от великого соблазна, а другим это не удастся.

Я уже достаточно морально терзал себя. Моя связь с девушкой была обоюдно добровольным актом. Сейчас я должен бороться за свое достоинство, душевное и моральное спокойствие моих родных. Мой моральный долг требует наказать этих подлых животных в облике человеческом».

* * *

Следующим утром Иван Ильич первым делом позвонил на кафедру.

– Ольга, я себя неважно чувствую и, по-видимому, задержусь.

– Может, нужна какая-то помощь? Принести вам лекарство или еду из магазина? Могу сварить для вас обед.

– Нет, спасибо, ничего не нужно. Просто передай коллегам, что я задерживаюсь, возможно, вообще не приду. Сегодня у меня нет лекций, так что мое отсутствие особо не будет замечено.

Четкого плана у Ивана Ильича еще не было, но для себя он уже определил возможные варианты действий. Как бы он ни был убежден, что от полиции не стоит ждать какой-либо помощи, инерция совковой психологии, надежда на могущество государства взяли верх. Он написал короткое заявление о похищении своей машины и документов и направил

вился в Гагаринский райотдел полиции. В грязном, пахнущем немывтыми телами, табаком и нечистотами помещении дежурные ходили взад и вперед, громко разговаривали. Впечатление было такое, что эти неряшливые, неуклюжие полицейские – вооруженные революционно-повстанческие группы крестьян, одетые в полицейскую форму. Ни одного интеллигентного лица, нормального мужского телосложения: пузатые и худые, высокие и низкорослые, темноволосые или русые, они все – со своими тупыми и агрессивными лицами, громкими голосами, в плохо сшитой темной одежде – были похожи друг на друга. А откуда брать нормальных граждан для такой малочетной, неблагородной, неблагодарной, полукриминальной службы? Полиция и все силовые структуры зачастую комплектуются выходцами из самых низших социальных групп – городского люмпена и крестьянской бедноты, бывших беспризорников, то есть из всех тех групп людей, которые не готовы к высокопрофессиональному труду, которые не хотят честно работать водопроводчиками, класть асфальт, строить дома, пахать землю, пасти скот. Подавляющее большинство – это ребята из российской глубинки, ищущие в Москве хлеб и жилье, ненавидящие всех коренных жителей столицы, интеллигентов и не похожих на них людей, особенно нерусских.

– Мужик, что стоишь как столб в центре комнаты? Что нужно?

– Кому я могу передать заявление?

– Иди к окну, где дежурный – он скажет, че делать.

Дежурный, худой лейтенант с недобрым выражением лица, закончил разговор по телефону и раздраженно обернулся к Ивану Ильичу.

– Что нужно?

– Вот мое заявление о похищении моей автомашины.

– Паспорт. Где прописаны? Но в заявлении написано, что все происходило вблизи супермаркета на улице Лобачевского. Это не наша территория. Идите в райотдел «Раменки». Че, не понял, че я сказал?

– Я давно все понял, но всегда остается какая-то надежда.

Но злобный худой лейтенант уже не слушал его, кричал в трубку и ругался с кем-то, стряхивая пепел с сигареты на огромный бугор окурков на грязном столе. «Возможно, высший офицерский состав другой, я сам знаю нескольких нормальных людей, но рядовой состав наводит ужас и отвращение. Не дай Бог, если произойдет потеря управления в нашей многоликой, многоконфессиональной, многоязычной стране, что очень возможно при нынешних правилах смены верховного правителя, единственного действующего государственно-правового института в стране. Тогда эти вооруженные злобные и недовольные мужики поведут за собой на погромы и грабежи полчища городской и сельской бедноты, алкоголиков и бомжей, грабителей и мародеров, всех недовольных. Во всяком случае, об этом свидетельствует наша история».

– Мужик, ты еще здесь?

Ничего не ответив, Иван Ильич отправился в райотделение «Раменки». Впечатление было такое, что он просто вышел из прежнего отделения и вернулся туда же через полчаса, только дежурный был круглолицый, пузатый капитан средних лет.

– Вы пишете, что вашу машину похитили Стелла Карапетова и Сергей Кондаков. Это ваши друзья?

– Нет, просто я знаю Стеллу уже несколько лет.

– Она кто, ваша любовница, бывшая жена?

– Нет, просто мама моей аспирантки.

– Что-то не клеится: вы и хорошо знакомые вам люди – мама вашей аспирантки и какой-то мужик – выпиваете вместе водку или они заставляют вас выпить, а потом похищают вашу машину. Дядя, мой вам совет, вам надо опохмелиться и помириться с друзьями, а может, выпьете еще поллитровочку и разберетесь – кому машина, кому женщина. Не так, что ли? – дежурный офицер громко расхохотался, довольный своим остроумием и находчивостью, под одобрительное хмыканье коллег. Иван Ильич постоял еще минуту, повернулся и направился к выходу.

– Эй, мужик, забери свое заявление.

Он махнул рукой и вышел из на улицу. Чувство полной беспомощности душило его.

«К кому обратиться, если в своем родном городе, в родной стране я себя чувствую ничтожным, бесправным и ни-

кому не нужным? Неужели эти люди – мои сограждане? Мы представители одного народа, говорим на одном языке, объединены под одной, олицетворяющей всю Россию властью, считающей своей опорой этих лишенных достоинства холопов, не подозревающих, что оно может быть у других людей. Будешь ли ты, Россия, когда-нибудь ласковой матерью для своих детей или навсегда останешься блудной полупьяной жестокой мачехой? Вот почему ты опустошаешься, все время уменьшаешься и сокращаешься, дети твои умирают. Лучшая часть твоих детей убегает из страны в поисках тепла и уважения своего человеческого достоинства. Ни на кого я не могу надеяться, кроме себя».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.